

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

ЛЕНТА МЁБИУСА

**Впервые
на русском!**

18+

Франк Тилье заставляет в мгновение ока переходить
от ужаса к отчаянию, от отчаяния к надежде.

Le Parisien

Звезды мирового детектива

Франк Тилье

Лента Мёбиуса

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Тилье Ф.

Лента Мёбиуса / Ф. Тилье — «Азбука-Аттикус», 2008 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15589-3

В своем первом деле молодой полицейский Вик Маршалль встречается с самой темной стороной профессии следователя. Он погружается в темный мир, сталкивается с настоящими монстрами. Декоратора Стефана Кисмета всегда преследовали видения, смутно предвещающие будущие события, но на сей раз его видения выстраиваются с ужасающей логикой: ему снится мертвая девочка, у него откуда-то взялось оружие, его разыскивает полиция. Пути Стефана и Виктора пересекаются. Но один из них еще ничего не видел, другой не ведает, что уже знает все...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-15589-3

© Тилье Ф., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

1	7
2	9
3	12
4	17
5	20
6	26
7	33
8	36
9	41
10	45
11	49
12	53
13	58
14	64
15	70
16	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Франк Тилье

Лента Мёбиуса

Посвящается моему отцу

*Лицо твоё – пугающая маска —
Навеки ужасом искажено,
Ты стал теперь чудовищем из сказки,
Тебе пугать детишек суждено.*

*Стихотворение неизвестного автора об
изуродованном лице, 14–18*

Franck Thilliez
L'ANNEAU DE MOEBIUS
Copyright © Le Passage Paris – New York Editions, Paris 2008

© О. Егорова, перевод, 2018
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Восхождение Франка Тилье к славе началось с «Комнаты мертвых» (2005). Роман мгновенно стал бестселлером, завоевал читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «Французские железные дороги» (2007), по нему снят фильм с Мелани Лоран, Эриком Каравака, Жилем Лелушем и Жонатаном Заккай в главных ролях. Триллеры Тилье переведены на десяток языков, за шестизначную сумму куплены британским издательством «Penguin Books». Впервые на русском – его роман «Лента Мёбиуса» (2008), восторженно встреченный европейскими читателями.

В искусстве строить детективную интригу Франку Тилье нет равных. Своих персонажей он погружает в жуткие истории, высвечивающие темные стороны их натуры. Сложный, документально проработанный роман «Лента Мёбиуса» насыщен действием, от которого у читателя мороз по коже.

Elle

Франк Тилье, как Стивен Кинг и Жан-Кристоф Гранже, обожаемые им авторы, любит помещать своих героев в экстремальные ситуации, которые углубляют проблемы их собственной психики.

Мама Се+–

* * *

У чтения есть одно магическое свойство: оно позволяет двигаться во времени вспять. Ничто не мешает вам, уже приблизившись к концу книги, снова вернуться к первым главам и найти героев такими, какими они были час, месяц, а может быть, и годы тому назад.

К сожалению, в жизни все совсем не так. Что прошло – то прошло. Так уж устроено...

В этом повествовании, которое начинается в 6:30 утра в четверг, 3 мая 2007 года, а заканчивается, если не считать эпилога, около 9:00 во вторник, 15 мая 2007 года, время играет ведущую роль. Чтобы вы могли лучше оценить эту историю, вам очень важно обращать внимание на обозначения времени в начале каждой главы.

Вам предстоит пройти и пережить двенадцать дней и двенадцать ночей. И это будет билет в один конец: билет в ад.

Счастливого пути.

Франк Тилье

1
Четверг, 3 мая, 6:30
Сон первый: Винные бутылки

Картинка у него перед глазами дрожала, то вырастая, то уменьшаясь. От этого дико ломило виски. Стефан остановился на середине лестницы и резко обернулся, прежде чем бежать на первый этаж. Он нашарил выключатель в гостиной и несколько раз нажал. Но свет не зажегся. Не было света, были только кровавые следы, которые его пальцы оставляли на штукатурке. Мгновение он рассматривал свои руки, залитые красной жизнью, красной смертью, а потом снова помчался вниз по лестнице. Карманный фонарик вспарывал темноту. Собственное дыхание обжигало. Было больно. Было страшно.

Все стремительно промелькнуло у него перед глазами. Прямо перед ним, между колоннами, на стене, парадный портрет злобной и язвительной баронессы де Рей. Слева прелестная вьетнамская фарфоровая статуэтка, которую он снес одним движением локтя. На плиточном полу вскрытые упаковочные коробки, груда чемоданов, раскрытый сапожный нож...

Он бросился к двери и одним махом пролетел восемь ступенек, ведущих в подвал. Редкие окна этой холодной части огромного дома находились как раз на уровне сада, как иллюминаторы каменного корабля, идущего ко дну. В ранний утренний час окна пропускали лишь призрачный свет. Потом луч фонарика отразился в зеркале. Стефан замер. Пальцы его потянулись к трем глубоким царапинам на лице и скользнули вверх, к заплывшему, слезящемуся левому глазу.

В глухой ярости он саданул кулаком по зеркалу. И его отражение в рыбацком непромокаемом костюме цвета хаки взорвалось, словно граната.

Он побежал дальше по коридору, вдоль идущих по стенам труб. Желтоватый луч фонарика выхватывал из темноты ряды мясницких крюков, свисавших с потолка. Справа громоздилась груда каких-то бесформенных волосатых предметов, брошенных на съедение времени.

Головы. Десятки отрубленных голов, десятки застывших в последнем крике лиц.

Стефан в тревоге посмотрел вверх. На первом этаже раздался шум, затопали легкие шаги, кто-то пробежал. Он обернулся, и от него с шипением быстро метнулась в сторону какая-то тень. Кот, его собственный кот не узнал хозяина.

Гонимый страхом, он помчался мимо полутемных комнат, возникавших то справа, то слева. В одной были собраны глазные яблоки, стояли банки с ногтями и прозрачные пакеты, туго набитые волосами. В другой были расклеены афиши фильмов: «Муха» Кроненберга, «Техасская резня бензопилой» Хупера, «Кошмар на улице Вязов» Уэса Крейвена.

Ну вот он и добрался. Вот она, предпоследняя комната. Перепрыгнув через провода, угольные брикеты и битые кирпичи, он бросился к винным бутылкам. И все остальное вокруг него исчезло: не было ни побега, ни смерти, ни крови. Сейчас самое важное – как стоят бутылки.

Стефан застыл перед стеллажом с алкоголем. Луч фонарика осветил первый ряд, и с особой тщательностью – то место, где находилось бордо урожая 1996 года. Во втором ряду стояли бутылки с бургундским урожая 1999 года.

Бордо сверху, бургундское снизу.

Не может быть.

Он взгляделся еще раз. Бордо сверху, бургундское снизу.

Тогда фонарик выпал у него из руки и снизу, с полу, осветил следы от уколов на правом предплечье. Один след был лиловым, почти черным. Видно, игла сломалась и застряла в теле.

В отчаянии он упал на колени, застонал, как загнанный зверь, и заплакал, уткнувшись лбом в землю, набрав пыли в нос и рот. А потом вдруг вскочил от внезапно охватившей его ярости.

Стефан шагнул к стопке угольных брикетов, на которой лежал кусочек мела, схватил его и принялся вслепую что-то писать на кирпичной стене. Какие-то слова, фразы, еще и еще.

– Когда? Когда же ты все это прочтешь?

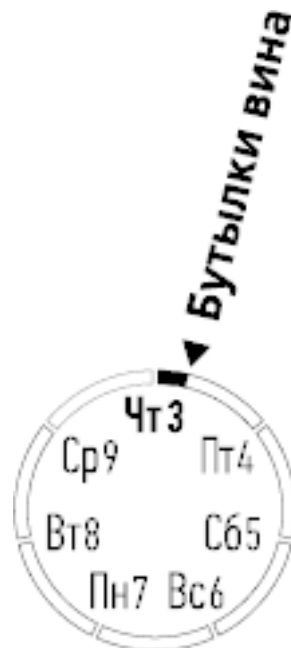
Мел быстро раскрошился, и под конец Стефан, казалось, писал голыми пальцами.

Он не увидел, не услышал, как в этот момент у него за спиной возникла чья-то массивная фигура и направила на него пистолет.

Цикл повторился.

2

Четверг, 3 мая, 6:32

Стиснув зубы, Вик Маршалль нажал кнопку мобильного и отсоединился. В темноте маленькой спальни он ощупью нашарил рубашку, черные джинсы, ремень «Леви Страус», кожаную кобуру, висевшую на ручке гребного тренажера, и открыл дверь в гостиную. Волна мягкого света залила линолеум. Булонь-Бийанкур¹ просыпался под утренним солнышком.

– Звонил Мортье, – сказал он, услышав, что кровать скрипнула.

– Ну и?..

– Хочешь знать, что сказал напоследок этот придурок?

Голос его стал строже и суше:

– «Давай шевелись, V8, дел невпроворот. Но сначала я бы тебе посоветовал как следует позавтракать».

– V8?

Вик в полутьме натягивал джинсы.

– А я тебе не говорил?

– Ты вчера поздно вернулся...

– Это их последняя хохма, они меня так прозвали. V8 – восьмицилиндровый двигатель, где куча клапанов².

Селина зажгла ночник, села на постели и откинула набок длинные черные волосы. Вик смотрел на нее с нежностью. Он любил это чисто женское движение, неуловимый поворот головы, который делал ее такой желанной. Она потянулась, как кошка, подняв руки ладонями к потолку.

– Все путем?

¹ Булонь-Бийанкур – один из самых густонаселенных западных пригородов Парижа. (Здесь и далее примеч. изд.)

² Здесь игра слов: по-французски *piston* может означать и *клапан*, и *блатной*, взятый на работу по блату. Коллеги будут дразнить новичка *блатником*, потому и придумали такое прозвище.

Вик перешагнул через пока не вскрытую коробку с детской коляской, обогнул мраморный шахматный столик и присел на постель рядом с Селиной.

– Несмотря на мерзкую тесноту?

– Несмотря на мерзкую тесноту.

– Нынче знаменательный день. Они подключают меня к делу. Настоящее кровавое преступление в Сент-Уан. Похоже, что...

Перехватив тревожный взгляд жены, он предпочел сменить тему:

– Ты не знаешь, где мои кроссовки?

– Кроссовки?

– Они все носят кроссовки, вся бригада. И постоянно меня подкалывают, все не могут решить, какое у меня будет прозвище: V8 или Малдер.

– Тебе незачем под них подстраиваться в одежде, милый.

– Я просто хочу прижиться в бригаде, только и всего.

Он наклонился и ласково погладил Селину по животу:

– Сегодня ночью я почувствовал, как она шевелится. Ты прижалась ко мне, и эта разбойница пару раз лягнула меня в спину.

– Вик... У меня срок всего четыре месяца, ты ничего не мог почувствовать. Говоришь, разбойница?

– Только девчонки начинают так рано лупить папочку. Еще не родилась, а уже прямо тигрица.

– Это будет мальчик.

Кончиком указательного пальца Вик обвел контур ее груди.

– Но ведь есть же результаты УЗИ, – шепнул он. – Этого достаточно...

– Нет! Надо подождать! Да и все равно ничего там не видно!

– Мне, наверное, будет тебя ни за что не убедить, даже такую полусонную.

Она приподнялась и принялась тереть волосы у него на груди. Он смотрел на ее тонкие, длинные руки. Ему нравилось за ними наблюдать и угадывать по их движениям все ее тайные намерения.

– Знаешь, я передумала насчет имени, – прошептала она.

– Ну-ка, ну-ка.

– Как думаешь, может быть, назвать его Тао, как моего деда?

– Тао? Это ты сегодня ночью придумала?

– Ага, странный сон приснился. Тао по-вьетнамски значит «созидание».

Он крепко прижал ее к груди:

– Хм... Симпатичное имя, Тао, такое мягкое, кругленькое, нежное... Его можно будет переделать в Тео или в Матео. Но все это напрасные хлопоты, потому что будет девочка.

Селина расплылась в улыбке, которая как-то слишком быстро потускнела. Словно защищаясь, она натянула на себя простыню. От матери-вьетнамки она унаследовала маленький рост, холодноватый блеск длинных черных волос, лукавые глаза и мягкий овал лица.

– Мне страшно, Вик.

– Ну пожалуйста, перестань психовать. И уж тем более не с утра.

– Да, но все это так... Крошечная квартирка, а снаружи людская толкотня. Как в огромном курятнике.

– А ты что-то имеешь против кур?

Она тихо ответила:

– У меня нехорошее предчувствие, и оно касается ребенка.

Он нежно взял в руки ее маленькие кулачки:

– Предчувствие... Опять...

– Что бы ты ни говорил, а мне все равно так кажется.

Селине все время хотелось, чтобы ее успокаивали. Она с самого начала переживала свою беременность как испытание, как крест, который надо нести. «Ребенок не шевелится, ребенок не дышит, он, наверное, родится неполноценным». Тогда Вик принялся тихонько, нараспев ее уговаривать:

– О'кей, значит, надо сделать еще одно исследование. В четыре месяца бывает, что на УЗИ косточки носа не просматриваются. Маленький укол в живот, чтобы набрать чуть-чуть околоплодной жидкости и удостовериться, что у плода нет врожденных заболеваний. Они же не станут протыкать ему голову или дырять желудок. В наше время почти все мамочки через это проходят. Договорились?

– Всегда есть крохотная вероятность, что что-то пойдет не так.

– Но она ничтожна!

– Ты отвезешь меня в понедельник?

Вик чуть отстранился:

– Посмотрим, малышка, если смогу. Я ведь всего три недели на службе. Представь себе, что будет, если не явлюсь!

– Значит, не отвезешь. Ладно, понятно. Твои кроссовки в стенном шкафчике в ванной.

И Селина погасила ночник.

Вик хотел было снова начать разговор, но вместо этого вышел ссутулившись. Лучше будет оставить все как есть. Он закончил одеваться, поднял жалюзи и выглянул в окно. С высоты четвертого этажа была видна Сена, телебашня Первого канала и целая армада безликих домов. Странное полотно, сотканное из стали и бетона. Вик надел кобуру и сунул полицейское удостоверение во внутренний карман куртки. В ванной он снова достал из кобуры свой «зиг-зауэр»³, несколько раз нажал на курок и скорчил зверскую гримасу, а потом, не удержавшись, завел руку с пистолетом далеко назад и, стиснув зубы, беззвучно заорал.

Потом погасил свет и снова вошел в спальню:

– До вечера, малышка.

Он наклонился, чтобы поцеловать жену, но она отвернулась. От ее кожи исходил аромат южного солнца.

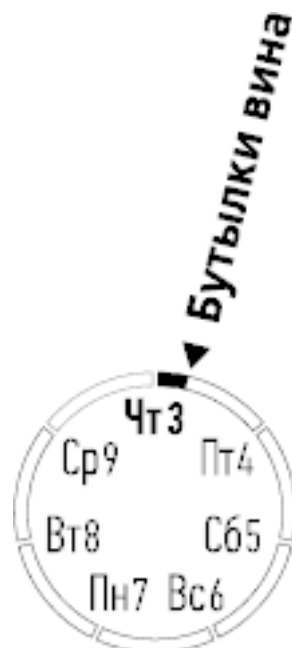
Вик вышел, ощутив тревожный укол в сердце. Селина останется до вечера в этой тесной конуре и весь день будет размышлять в одиночестве. А потом пролетят пять месяцев, и наступит пора рожать, и на свет появится новая жизнь.

Майор Мортье настоятельно советовал ему плотно позавтракать. Но Вик не последовал лукавому совету: не хватало еще, чтобы его вырвало на месте преступления.

---

³ «Зиг-зауэр» – тип пистолета на вооружении французской полиции.

3 Четверг, 3 мая, 6:50

Стефан Кисмет сунул лицо под холодную воду, чтобы удостовериться, что окончательно проснулся. Он внимательно осмотрел правое предплечье перед зеркалом в ванной и не увидел никаких следов от уколов. И никаких царапин и синяка под глазом. Он натянул джинсы, футболку и пуловер, такой же черный, как его длинные, спадавшие на спину волосы. Было начало мая, и мрачные стены дома оживляли лучи весеннего солнышка. В глубине гостиной Стефан включил на полную мощность один из электрических нагревателей, а остальные, еще в упаковках, стояли возле переборки. Повсюду виднелись либо запакованные, либо едва распакованные вещи. Случившаяся катастрофа отбила всякую охоту навести порядок или украсить жилище.

Его жена Сильвия завтракала в одиночестве, склонившись над чашкой кофе. Свет с улицы золотил ее лицо. Окно у нее за спиной выходило на настоящую стену из дубов и буков, охранявших лесное поместье в пятнадцать гектаров, расположенное в Ламорлэ на Уазе.

– Опять началось, – выдохнул Стефан.

Сильвия подняла усталое лицо:

– Где на этот раз?

– В мастерской, в подвале. Я проснулся на голой земле.

– В подвале... Ты опять меня оставил одну на всю ночь.

– Мне надо было закончить манекен Карлы Мартинес. Это очень важная деталь для съемок в Сент-Уане, сроки поджимают. Я, должно быть, заснул прямо за работой и...

– Понятно... – сухо заметила Сильвия.

Стефан налил себе кофе и отпил глоток.

– Странно все это. Я ведь запомнил свой сон.

– Впервые за тридцать один год. И что тебе пригрезилось?

– Как тебе объяснить? Я словно все это действительно пережил. Все ощущения как наяву: звуки, образы, даже шум собственного дыхания. До сих пор мурашки по коже!

Сильвия быстро на него взглянула:

– Я задала тебе вопрос, но ты, как всегда, ушел от прямого ответа.

Она встала и поставила чашку в раковину. В углу кот самозабвенно лакал из миски молоко.

– Мне пора. Сегодня тяжелый день: надо обойти шесть адресов в Восемнадцатом округе. Раньше десяти вечера меня не жди.

Стефан поправил рукава пуловера и почувствовал, что захмелел от кофеина.

– Опять так поздно?

– Ну и что? Мы тут и так почти не встречаемся. В последние два месяца я все чаще себя спрашиваю, уж не перешла ли я в разряд призраков? – Она бросила на него суровый взгляд и прибавила, поджав губы: – Может, будь у меня голова одного из твоих монстров, ты бы уделял мне больше внимания?

Стефан пожал плечами. Сильвия нанесла удар, как молния, способная разрядить за какую-то долю секунды заряд в тысячи вольт.

– Дело не в этом. Просто мне нужно время, чтобы забыть.

– Забыть? То есть ты полагаешь, дело в том, чтобы забыть?

Стефан двинулся к ней, но она отошла к холодильнику, достала кусочек льда и осторожно провела им по губам.

– Твои таблетки на буфете, – сказала она, глядясь в карманное зеркальце и поправляя макияж. – Я там кое-что оставила в холодильнике на обед, так постарайся все-таки поесть.

Никакой реакции. Стефан не шевелясь впился глазами в свои костлявые руки, и в глубине мутных зрачков мужа Сильвия уловила нечто гораздо более серьезное, чем простая рассеянность. Эту наползающую тень она видела уже много раз и всякий раз пугалась.

Стефан принялся рассказывать:

– Нынче ночью на мне был рыбацкий костюм Поля, который мне сильно велик. Я этого костюма не видел уже лет двадцать, отец его где-то потерял. Я не помню ни его цвета, ни ткани и не уверен вообще, был ли он. И однако, я сразу узнал заржавленное кольцо на кармане, дырку на клапане и жирное пятно возле воротника. В один миг все это всплыло у меня в памяти.

– И что?

– И что?! Как такое могло случиться? Как я мог вспомнить такие детали, если я обычно забываю свои сны?

Он вдруг схватил жену за руку и потащил за собой.

– Ты чего? – вскрикнула Сильвия.

Они прошли через холл, он впереди, она за ним. Восьмиугольная комната, украшенная великолепными резными балясинами, была самым сокровенным местом в доме, его душой.

– Вот здесь, точно, вот здесь стояла вьетнамская фарфоровая статуэтка. Фигурка сантиметров тридцать-сорок высотой, в длинной, до пят, одежде и в шляпе из пальмовых листьев. Я ее видел, вот как тебя сейчас, словно она всегда здесь была. И – бабах! Я ее разбил, зацепил неосторожным движением. У меня какое-то нехорошее, опасное чувство дежавю!

– У меня тоже ощущение дежавю. Хвост поезда в конце перрона и дура в деловом костюме, которая примчалась запыхавшись и все равно опоздала. Что мне говорить своим клиентам, чтобы объяснить опоздание?

Стефан выпустил руку жены и взгляделся в синеву ее глаз, где плясали золотистые искорки.

– Еще пару секунд. Только две секунды, ладно? Я должен... кое-что проверить... Припомни, как ты уложила в погребке винные бутылки, когда мы переехали.

– Бутылки? Зачем тебе?

– Пойдем. Это очень важно.

Она заколебалась, глядя на часы, потом все-таки пошла за ним следом. Они спустились в подвал, освещенный запыленными лампами.

– А в моем сне электричества не было. Я держал в руке фонарик, кстати не мой. И тут было... Ну да, восемь ступенек. Как я мог знать, что их восемь?

Сильвия вздрогнула. Она терпеть не могла спускаться в этот мрачный подвал, с его коридорами и зловещими комнатами, где Стефан оборудовал себе мастерскую. Все в этом доме было каким-то несоразмерно огромным. А она так любила Париж, с его шумом, с его огнями...

Она отозвалась в надежде, что звук собственного голоса придаст ей уверенности:

– Я тебе объяснить не смогу. Надо ехать во Вьетнам. Так вот, та самая статуэтка – это подарок, сувенир из тех, что тебе всегда нравилось привозить из отпуска. А про ступеньки и отцовский рыбацкий костюм почитай у Фрейда. Может быть, твое подсознание вытаскивает на свет божий кучу деталей из прошлого. Черт возьми, да тут у тебя тонны старых книг, доказывающих, что ты гораздо больше моего знаешь и о Фрейде, и о снах, разве не так?

Они миновали зал, где Стефан держал старые манекены с разобранными телами и отвинченными головами, потом комнату, где хранились бумаги, касавшиеся кино: афиши, листки с титрами фильмов, рабочие чертежи, заезженные Mad Movies⁴ и обрывки раскадровок. Потом они очутились перед закрытой дверью, где чернел омерзительный рисунок, сделанный угольным карандашом: ребенок с источенными болезнью ручками и ножками. Сильвия поспешно отвернулась. Дальше располагался «рабочий кабинет», а над входом в него висел плакат: «Darkland»⁵. Стефан резко свернул в сторону и опустился на колени перед штабелем винных бутылок:

– Ты точно ставила бургундское 1999 года сверху, а бордо 1996 года – снизу?

Она не колеблясь ответила:

– Конечно. В соответствии со сроком хранения. А что?

Он осторожно взял бутылку бургундского, потом бутылку бордо, поменял их местами и задумчиво на них посмотрел, поглаживая отросшую бородку.

– А в моем кошмаре они стояли вот так.

– И это все? Это и есть то самое «очень важное»?

– Когда я увидел, что бутылки поменялись местами, я закричал и расплакался. Что это могло означать?

– Что ты не любишь, когда трогают твои бутылки и вообще когда лезут в твои дела. Что ты помешан на деталях, на совпадениях, что... эта твоя одержимость становится опасной. Ладно, я пошла!

– И еще... У меня были три глубокие царапины на щеке и подбит глаз. И кто-то целился в меня из пистолета, когда я мелом писал на стене.

– А что ты такое писал?

– Не знаю. Там было темно. Фонарик валялся на полу, и я как-то не подумал его зажечь.

– Вот уж действительно неприятность...

Сильвия поправила на себе бежевый английский костюм и зябко потерла плечи. Прямо перед ней в струе воздуха поблескивала паутина.

– Это всего лишь сон, Стефан. Нелепый сон, каких ты видел множество, разве что раньше ничего не помнил. Немудрено, что он тебе показался странным. Это... это потому, что ты впервые смог его вспомнить.

– Нет! Во сне окружающая обстановка постоянно меняется и невозможно сосредоточиться, читать, писать, считать. Это доказано исследованиями. Но я-то читал этикетки, я писал на стене, и все было логично и связно.

---

⁴ Mad Movies – жанр клиповой мультипликации, где в качестве материала для видеоряда используются фрагменты уже снятых фильмов, произведений живописи, фотографий и т. д.

⁵ «Darkland» («Страна Тьмы») – известная компьютерная игра, сочетающая в себе элементы квеста, «стрелялки» и ужасика.

– При условии, что рыдать перед винными бутылками – вполне логичное дело. Я пошла. Не забудь про таблетки.

Стефан с вызовом выпрямился:

– Я больше не стану их принимать. Мне гораздо лучше.

– Лучше? Ты находишь? Никакого улучшения не было. Я не хочу еще раз пережить весь этот ад.

Стефан нахлобучил себе на голову латексную копию маски из фильма «Маска» и заготовал, подражая голосу Джима Керри:

– Нынче ночью, я обещаю, мы займемся любовью, моя цыпочка. Любо-о-овью, со всякими там *хо-хо, хи-хи и ха-ха!* – И вдруг оборвал маскарад. – Я что, действительно скверно выгляжу?

– Хуже некуда.

Она слегка отстранила его рукой:

– Раньше ты меня смешил, потому что все у тебя получалось легко, естественно, без напряжения. А теперь ты как актер-неудачник, который силится побороть мандраж. До вечера.

Стефан так и остался стоять, словно налитый свинцом, с маской в руках. А за серым от грязи окном возле «ауди» появились стройные ноги жены. Когда хлопнула дверца автомобиля, он вдруг понял, что они его больше не интересуют. И она его тоже больше не интересуется.

И в наступившей сумрачной тишине он швырнул на стол зеленую маску. Включил вентиляцию, зажег мощные галогенные лампы и приголубил своих мрачных кукол:

– Ну как ты, приятель? А ты? А ты?

Поговорил с профессором Мабуловым⁶, с Хищной Пастью. Последний монстр, получеловек-полужверь, обладатель огромной пасти (сто восемьдесят острейших зубов – это вам не шуточки), служил для съемок второй серии фильма «Нейронная атака». Немалое количество сделанных им муляжей теперь упокоилось в грузовых тележках. Так кончали жизнь киноперсонажи, впрочем, как и их создатели, в безымянных подвалах.

Среди всех манекенов был один, к которому Стефан относился с особой заботой: обаятельное создание точно такого же роста, как и он сам, то есть метр семьдесят девять. Чтобы его сделать, он снял маску со своего лица, засунув в нос соломинки, чтобы дышать, пока латекс стекал по гипсовым бинтам. А в открытом черепе монстра вместо мозга виднелось то же самое лицо, только поменьше. Этот персонаж в съемках никогда не участвовал.

Стефан назвал его Darkness. Тьма. Сумрак.

Его сумрак.

Он включил кофеварку, приготовил себе чашку кофе и уселся перед манекеном молодой женщины лет тридцати. Карле Мартинес в фильме «Кровавая лощина» любовник перерезает горло. Съемки шли уже две недели, и манекен надо закончить к понедельнику, то есть через четыре дня. В этой сцене камера наезжает и дает крупным планом сначала глаза, а потом глубокий надрез на шее. К этому моменту Карла Мартинес уже пять дней как мертва.

Значит, надо принять во внимание, что тело уже подверглось деформации и разложению из-за жары и насекомых. Быть гримером, мастером пластики, специалистом по муляжам означает разбираться в медицине, в анатомии и в тонкостях судебно-медицинской экспертизы. Приходится коллекционировать фотографии трупов обоего пола, и худых и толстых, в разных стадиях разложения.

Стефан отодвинул в сторону электромиксер, машинку для стрижки и защитные маски, развернул полученную по почте афишу «Испорченной Милашки» Тода Браунинга с Лоном Чейни в главной роли и тщательно разместил телескопическую лупу напротив латексного

---

⁶ Профессор Мабулов – персонаж фильма Жоржа Мельеса «Завоевание полюса».

бюста. Выпив кофе, он принялся под психоделические гитарные аккорды «White Zombie»⁷ что-то выщипывать пинцетом из орбиты левого стеклянного глаза муляжа. Ставить на место ресницы было занятием деликатным и требовало немалого времени.

Зачесалось предплечье, и он машинально поднял рукав. Слава богу, никаких следов от уколов. Оторвавшись от работы, он открыл записную книжку, один из множества бесполезных подарков. Он регулярно получал от студии «ZFX Méliés Films» то карандаши, то записные книжки, то калькуляторы.

Когда у него появились приступы сомнамбулизма (а это началось лет с семи), врач посоветовал ему записывать свои сны в записную книжку. Но вот уже двадцать четыре года ее листки так и оставались пустыми.

В эту книжку он подробно записал весь свой кошмар. Ну, по крайней мере все, что запомнил. Измазанные кровью руки, спуск в подвал, царапины на лице. Ничего не упустил: число ступенек, расположение винных бутылок, вьетнамскую статуэтку, следы от уколов на правом предплечье. И вверху первой страницы вывел название сна: «Винные бутылки».

Потом перечитал то, что получилось. Какой же смысл таился в этом нагромождении несуразностей?

Ему вспомнилось последнее, что он сделал в подземелье. То есть не он, а его виртуальный двойник, но в конечном счете все-таки он: поднял с угольной кучи кусочек мела и принялся писать на кирпичной стене строки, которые нельзя было прочесть. Он все еще слышал скрип белой палочки по кирпичу.

Стефан встал, миновал вереницу масок и пошел по бесконечному коридору с плиточным полом и потрескавшимся потолком, утыканным мясницкими крюками. Он ничего не трогал в этом помещении, оставил все как было. Он и глаз-то положил на этот дом главным образом из-за мертвой зоны пустующего подвала. Здесь у него собственное ателье, здесь он дома, в спокойной колыбели леса. Истинное горнило вдохновения.

Вот и штабель угольных брикетов, он помнил, как перепрыгивал через запыленные куски угля. Но во сне эти куски были разбросаны по полу, а сейчас они лежали аккуратной кучкой.

И никакого мела. Но все-таки тягостное ощущение дежавю его не покидало.

Он машинально ухватился за край одного из ящиков с брикетами и вытряхнул его на пол, чтобы все было как во сне. И вдруг застыл на месте.

Там, посередине кучи.

Белая точка мела.

Значит, мел все-таки был.

Ошеломленный, Стефан подошел ближе.

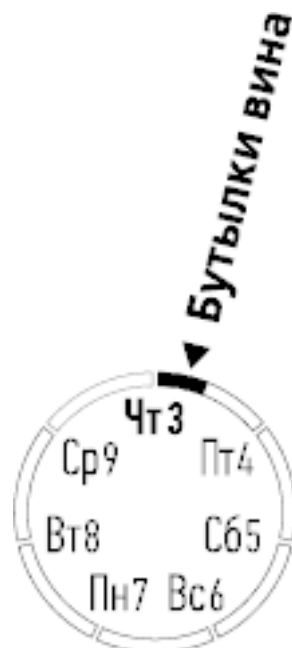
Какого черта на самой макушке горки угольных брикетов торчал кусочек белого мела?

---

⁷ «White Zombie» – американская метал-группа, основанная в 1985 г. в Нью-Йорке. Специализировалась в жанре индастриал-грав-метал с лирикой, основанной на фильмах ужасов.

4

Четверг, 3 мая, 10:14

Вик ехал от Булонь-Бийанкур до Сент-Уан час с четвертью. На окружной дороге в районе станции метро «Порт Майо» грузовичок столкнулся с мотоциклом. Естественно, образовалась пробка, которая с невероятной быстротой перекрыла все подъезды к столице с запада. Вот за что он всегда ненавидел Париж.

Руль намок от его вспотевших рук. И никак не предупредить бригаду о том, что он опоздает. Батарейка его мобильного разряжалась очень быстро, а Вик, с тех пор как поступил на службу, все никак не мог найти время, чтобы ее поменять. Вот Мортье разорется... Скверное начало для боевого крещения.

Наконец GPS вывел его к фасаду какого-то пакгауза, приспособленного под мастерскую. Здание находилось на отшибе, вдали от главных улиц, рядом с киностудией «Календрум» и еще какими-то заброшенными домами. Повсюду работали разные подразделения полиции. Хлопали крышки багажников, стрекотали раздвижные дверцы фургонов экспертной службы. Люди в разноцветной униформе – синей, белой, зеленой – исполняли свой печальный балет посреди серой и мрачной территории.

– Тебе «рикар»⁸ с тремя оливками не подать?

Вик обернулся на голос лейтенанта Жоффруа, который с 1988 года служил в Первом дивизионе. С Жоффруа он сталкивался в полицейских участках в Божоне, в Восьмом округе, а потом на бульваре Бесьер, в Семнадцатом. Он был «из стариков», то есть человеком бывалым, – таких обычно относят к категории «необузданных, с которыми лучше не связываться».

– На Окружной случилась авария, и мой...

– Ты облажался, V8. А мигалка на что?

– Мигалка? Какая еще мигалка?

– Ладно, я понял.

– А что случилось?

⁸ «Рикар» – анисовый аперитив, очень популярный во Франции; закусывают его оливками.

– Некогда объяснять. Увидимся в отделении.

Жоффруа, затянутый в потертую кожаную косуху, бросил ему, садясь в машину:

– А обувка твоя куда не годится.

Вик оглядел свои заношенные до дыр черные кроссовки и поплотнее запахнул куртку. Небо было свинцовое, а температура вовсе не радовала майской приветливостью. Это тебе не Авиньон, какие уж тут оливки.

Массивная фигура майора Мортье возвышалась у входа в пакгауз. Сегодня он явно был не расположен жевать любимые чипсы с паприкой. Мортье перчил любую еду. Может, хотел лишний раз напомнить о своем задиристом, колючем и неуживчивом характере. Вик был с ним знаком всего двадцать дней, но уже понял, что тот способен взорваться в любое время и в любом месте.

Подходя к нему, лейтенант заметил, как напряжены его по-военному вытянутые руки. Это был скверный признак.

– Господин майор, я...

– Ничего не говори, Маршалъ. Плевал я на твои оправдания. Посторонись.

Они отошли в сторону и пропустили носилки, на которых виднелся не обычный пакет для перевозки трупов, а тент из плотной ткани, не позволяющей нейлону соприкоснуться с телом. Казалось, носильщики в масках несут канадскую палатку. За ними шли сотрудники экспертной службы с запечатанными пакетами в руках. Никто не говорил ни слова, все шли, глядя в землю. В одном из прозрачных пакетов Вик заметил кусочек белого мела. В другом – какой-то странный круглый предмет, покрытый ржавчиной и выпачканный кровью. Были и еще пакеты: в одном лоскуток ткани, в другом волосы...

– Внутри кто-то еще остался? – спросил Мортье.

– Ван и двое из технической службы. Они заканчивают с фотографиями и готовятся забрать постельное белье с кровати и всю эту кучу кукол.

– Кукол? – переспросил Вик.

– Да. Там в изножье кровати старые куклы, ровно восемнадцать штук. Их принес убийца. Мортье двинулся за носильщиками, не обращая внимания на лейтенанта.

– А я? Что я должен делать, господин майор?

– Ты? Ты сейчас пойдешь туда, в дом, поговоришь с Ваном, а потом вы оба поедете в Аркёй.

– В Аркёй?

– Проинформировать и допросить ее любовницу.

– Любовницу? Так жертва была...

– Вполне вероятно, лесбиянкой.

Вик посмотрел на тент, колыхавшийся на ветру. Мортье протянул ему маску из хлопчатой ткани:

– На, держи, надень ее, когда войдешь внутрь, а то еще расстанешься с завтраком.

– Я ничем не рискую: я не завтракал.

Лысый череп майора чуть дернулся, а губы пошевелились и растянулись, что вполне можно было принять за улыбку.

– Молодец, у тебя хорошая реакция. Правда, если бы ты служил подольше, ты бы знал, что лучше уж поесть, а потом блевануть, чем хлопнуться в обморок.

Вик уже отошел в сторону, но майор его окликнул:

– Ну так как, V8?

– Что?

– Посмотреть хочешь?

– Простите?

– На тело не хочешь взглянуть? Подойди.

У Вика замерло сердце, все мышцы напряглись. Мортье без предупреждения приподнял ткань.

В горле лейтенанта застрял ком.

– О господи... – только и смог он произнести, прижав ладонь к животу.

– Оставь Бога там, где Он пребывает, Он нечасто спускается на землю. Ни для нас, ни для нее.

Мортье опустил завесу.

– Ну вот ты и прошел посвящение. Тяжкое посвящение. Надеюсь, ты будешь на высоте. Это я настоял, чтобы тебя вызвали сюда.

– Но что же с ней произошло?

– Ну, она нам этого не скажет.

Майор вплотную приблизил лицо к лицу Вика, обдав его запахом табака и паприки.

– И последнее, V8. Еще раз опоздаешь или наложишь в штаны в этом деле – отправлю тебя париться в Аржантёй или в Сен-Дени. И мне плевать на злоупотребление властью и твои связи, о'кей?

– Да... я понял, господин майор. Но только не было никакого злоупотребления. Если я нахожусь здесь, то только благодаря собственным достижениям.

– Это с такими-то паршивыми баллами за стрельбу и рукопашный бой? Послушать твоих инструкторов, так тебя бы одолел и человек без рук и без ног.

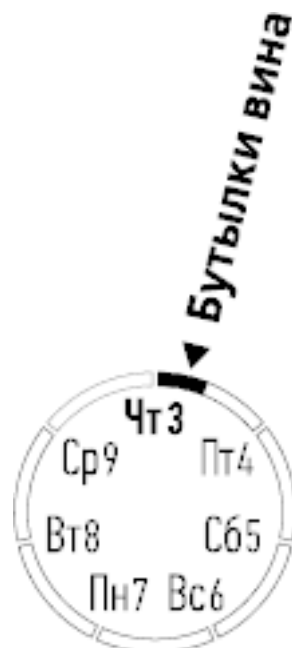
– Именно поэтому я и выбрал криминальную полицию, а не отдел по борьбе с наркотиками или опербригаду. Трупы по большей части сопротивления не оказывают.

Он мог бы рассказать майору, что Демосфен, один из самых блестящих древнегреческих ораторов, был заикой, а Бетховен создал свои лучшие произведения, лишившись слуха, но почувствовал, что ему будет лучше остаться как есть – полной посредственностью.

Лысый сыщик вытащил сигарету:

– Ну-ну... Иди давай. И возвращайся с новостями. Я люблю, чтобы все делалось быстро.

5
Четверг, 3 мая, 10:26

Вика поразило, что за таким заурядным фасадом, в ряду одинаковых безымянных строений, мог скрываться роскошный светлый интерьер, необычайно просторный и обставленный с большим вкусом. Изобилие хромировки, алебастра и эбена. На глазок площадь помещения была никак не меньше шестидесяти пяти квадратных метров.

Пройдя через фитнес-зал – беговая дорожка, скамейка для силовых упражнений, велотренажер, – Вик почувствовал сильный резкий запах и остановился. Пожалуй, пора надеть маску. Он ни разу не ощущал, как пахнет смерть, но инстинкт подсказывал, что именно так и пахнет: от нее несет гнилью, как от мяса, оставленного на жаре.

Перед тем как войти в спальню, Вик потер виски и набрал в грудь побольше воздуха. Он сгорал от возбуждения и умирал от страха, как перед партией в шахматы. Сейчас он будет осматривать первое в жизни место преступления. На ум пришел Брэд Питт в фильме «Семь». Ему точно так же хотелось справиться, несмотря на неопытность.

На месте преступления картинки быстро сменяли друг друга. Вот устроился перед ноутбуком лейтенант Ван. Слева от него склонились над своим оборудованием техники. В глубине комнаты справа – матрас, заляпанный кровью, и окровавленные простыни в пластиковых пакетах. Над кроватью постер с нагой женской фигурой, и на нем мелом написано: «78/100». А на полу – куклы, то ли просто сваленные в кучку, то ли обнявшиеся. Среди них попадались куклы-взрослые, они, словно матери, оберегали своих кукольных детей. В их стеклянных глазах в свете ярких прожекторов плясали синие, зеленые и карие огоньки. У Вика возникло странное впечатление, что каучуковые создания вот-вот закричат.

Сзади, оторвав его от этих мыслей, прозвучал голос:

– Впечатляет, правда? И ведь они не как попало брошены. Этот мерзавец явно не торопился, раскладывал их именно так, а не иначе.

Это сказал Мо Ван, китаец, полцентнера мускулов, рост метр пятьдесят семь, черные, как битум, волосы. Выглядел он лет на тридцать, хотя ему уже перевалило за сорок пять. Он поднял с пола одну из кукол и чуть наклонил, чтобы она закрыла глаза.

Оба полицейских не стали здороваться за руку.

– Странно, – произнес Ван, словно говоря сам с собой. – У нас в Китае у большинства кукол нет век. А если и есть, то без ресниц. Никогда не знал почему.

– А вот волосы, наоборот, очень длинные, черные, как у тебя. У моей жены есть такая кукла, она ей досталась еще от бабушки.

Лицо Вана помрачнело. Маску он надевать не стал и махнул рукой Вику, чтобы тот подошел.

– А вот эту ты видел?

Он указал на куклу-голыша с изуродованным тельцем, раздутыми ручками и ножками и рябым личиком. Одна нога у нее была короче другой, а левое предплечье явно кто-то отрубил.

– Он специально расплавлял каучук, чтобы добиться таких деформаций. Возможно, пустил в ход горелку. Вытянул затылок и правую ногу, а на лице, особенно справа, насажал бугорков. И еще точным ударом отрубил левое предплечье. Кукол восемнадцать, и только одна эта так изуродована.

Глядя на застывших кукольных мамочек и хрупких кукольных детишек, Вик подумал о Селине, о ее животе. Не просматривается носовая кость. Гудящее эхо наследственных заболеваний. Он обернулся к выходу:

– Не понимаю, как ты можешь выносить этот запах. Или ты хочешь сказать, что и к этому постепенно привыкают?

Лейтенант Ван выпрямился и почесал губу. Ноготь у него на левом мизинце выдавался сантиметра на два и прорвал латексную перчатку.

– Мой отец работал в дешевом ресторанчике под названием «Мой Пхуон». Уверю тебя, по сравнению с вонью у них на кухне здесь просто розы благоухают.

– Вот поэтому я никогда не поеду в Китай.

– Ресторан и теперь открыт. Авеню д'Иври, в Тринадцатом округе.

Вику вдруг стало жарко и очень захотелось пить.

– Я мельком взглянул на труп, – сказал он, облизав губы под маской. – Лица не видел, только тело. Я в этом не особенно разбираюсь, но мне показалось, что оно не разложилось.

– И не должно было. В первом приближении смерть произошла нынче ночью.

– Но тогда откуда эта вонь?

– Про вонь ничего не известно. Как и про этих кукол... Никто ничего не знает. Зачем они здесь? Почему их восемнадцать? Почему тут и пупсы, и куклы-взрослые? И почему одна так изуродована? Не нравится мне все это. Убийца, у которого вместо мозгов черт знает что, – дурной признак.

Вик тоже выпрямился. Его одолевала небольшая слабость, но тошноты не было. Он посмотрел на запачканную кровать, где капли крови уже обрели оттенок тутовых ягод. В конечном счете он был доволен, что опоздал, и теперь испытывал постыдную радость, что избежал самого худшего. Отсутствие тела обезличивало всю сцену.

Обернувшись к Вану, он указал пальцем на костыль в углу:

– Это ее костыль? У нее что, нога была сломана?

– Вскрытие покажет. Самое занятное то, что на костыле отпечатки трех или четырех разных людей.

– А маленькие лужицы воды на каменном полу? Я один такой след видел, когда входил в комнату.

– Значит, ты считаешь...

– Про это тоже ничего не известно?

– Верно. Ты все на лету схватываешь. Просто невероятно.

Вик набрал воздуха в легкие и ринулся в бой:

– Расскажи-ка мне все, что ты увидел, когда вошел. В деталях.

Мо Ван отпустил техников, работавших в спальне.

– Я не знаю, зачем они подключили тебя к этому делу. Пользы тебе с этого не будет.

– Почему?

– Тебе преподнесли отравленный подарочек. Ты очень молод, гладко выбрит, ты женат. Жене твоей это вряд ли понравится.

– Это касается только меня.

– Ты еще зеленый новичок, парень. Японцы в школах сумо с детства бьют учеников палкой по башке, чтобы они совершенствовались и делали успехи. И знаешь, большинство бросают заниматься, едва начав.

Натянув латексную перчатку, Вик направился к выключателю и попытался включить свет.

– А жизнь вообще – сплошное битье палкой по башке, – отозвался он. – Но я умею держать удар.

– У тебя была сладкая жизнь, по-французски сладкая, у тебя были деньги, был дом, куда ты возвращался. О каких ударах ты говоришь? – Он пожал плечами и продолжил: – Не возись со светом, света нет. Его не было, уже когда мы приехали. В этой хибаре не осталось ни одного целого предохранителя. И не говори, что это странно, без тебя знаю.

Ван подошел к луже крови и указал на постер: на нем в солнечных лучах нежилась на белом песке женщина.

– Это жертва. Аннабель Леруа.

– Вот черт...

– Да уж... Бывшая порнозвезда, которая стала независимой путаной класса люкс. Когда я говорю «бывшая», это значит, что ей было двадцать шесть лет, а когда я говорю «класса люкс», то это действительно люкс. Добыча для жирных рыб: администрация президента, бизнесмены, адвокаты.

Он выдержал многозначительную паузу.

Вик разглядывал силиконовые губы и искусственный ультрафиолетовый загар на глянцевой бумаге постера.

– Ох ты черт, ну и бомбочка!

– И теперь она взорвалась. Ее, с раздвинутыми ногами, привязали к кровати.

– Головой вверх? Глаза были завязаны или нет? Она была голая?

– Да, нет, да. Не строй из себя профайлера, парень, ты довольно быстро поймешь: ничего не бывает просто так. Но я тебе не учитель. Ты только что из школы, у тебя еще голод до дел, и это нормально. Но это быстро пройдет. Может, уже завтра ты предпочтешь остаться дома.

Ван похрустел суставами пальцев. Эту процедуру он регулярно проделывал по несколько раз на дню.

– Судмедэксперт насчитал больше ста иголок, повсюду воткнутых в тело: в лоб, в скулы, в плечи, в грудь, в ноги.

Вик поежился:

– Акупунктура? Игры садомазо?

– Просто бойня. Иначе бывает редко. Убийца отрезал ей последние фаланги пальцев, вырезал язык и губы. Она была голая, но он обернул ей бедра простыней: вроде бы одел и срам прикрыл. А вот челюсти были раздвинуты такой заржавевшей штуковиной, наподобие... Ну как ее... Черт, как она называется?

Вик, застыв на месте, глядел на матрас. Жестокие слова Вана стучали у него в мозг.

– Эй, лейтенант, как она называется?

– Расширитель челюстей?

– Вот-вот, расширитель. По виду многочисленных резаных ран и по тому, что жертва сильно потела, Демектен полагает, что пытка продолжалась немалое время.

– Демектен?

– Это судмедэксперт.

До Вика с большим опозданием дошел конец фразы: «немалое время». Совсем как в фильмах или романах. Какой преступник задержится на месте преступления, кроме отъявленного садиста?

Он попытался размышлять по правилам. «Никаких эмоций», объясняли им в курсе психологии. Как будто можно контролировать свое нутро.

– Сексуальные услуги?

– Нет, и это тоже нет. Тут что-то другое. У нее в правой руке был зажат обрывок какой-то странной кожи... похожий на шкуру змеи.

Не прерывая объяснений, он указал носком ботинка место возле кровати:

– А вот эти три вмятины, расположенные треугольником, тебе ни о чем не говорят?

Вик присел на корточки:

– Похоже на следы от штатива, от треноги.

– Вот-вот. Возможно, преступление фотографировали.

– Неправда, не может быть.

Мо Ван подошел к выдвижным ящикам:

– По предварительным данным, Леруа сняла это помещение всего два месяца назад. У нее обнаружили счета из агентства по найму помещений, и первый датирован мартом.

Вик стащил с себя маску: в ней стало душно. Потом взглянул на стену за кроватью:

– Тут на постере написано: «78/100». Что думаешь по этому поводу? Семьдесят восемь из ста? Семьдесят восемь процентов? Семьдесят восемь сантиметров?

Он ближе подошел к постеру. Четкий, уверенный почерк не выдавал ни страха, ни паники, ни гнева.

– Пока рано говорить. Может, какая-нибудь пометка? Лично я дал бы сто из ста. Такие грудастые блондинки в моем вкусе. Но проблема в том, что концы с концами не сходятся в другом плане.

– Он оставил мел?

– Мел упал на пол, раскололся, и кусочек закатился под шкаф. Похоже, тут он и лопухнулся, потому что на кусочке остались фрагментарные отпечатки. Правда, вряд ли из них что удастся вытянуть для картотеки, но посмотрим... И вообще, отстань со своими вопросами, я уже ими сыт по горло.

В группе у Вана была репутация сангвиника. Как только они с Виком оказались рядом – не по своей воле, просто у них был один рабочий кабинет, – Вик сразу подумал о Селине, с ее вьетнамскими корнями. А когда он показал китайцу фото жены, тот резко сменил тон.

– Ладно, поехали, – приказал Ван. – Нам предстоит Панама⁹, вольный край наслаждений.

– Чтобы допросить ее... любовницу, ты так сказал?

– Жюльетта Понселе. Она подвизается в порно.

– Актриса?

– Это как посмотреть. Подожди-ка... Вот, пара минут фильма.

Вик подошел к ноутбуку.

– Мы порылись в бумагах, – объяснил Ван. – Эта Жюльетта Понселе уже наверняка получила сообщение и теперь намылится переезжать.

Он включил видео, которое сразу потрясло Вика.

– Вот мерзость, да выключи ты это!

– Что, грязная штука? Одного не пойму: как такая красотка, как Леруа, могла знаться с этой бабищей?

---

⁹ Панама – сленговое название Парижа.

Ван выключил ноутбук и показал Вику записную книжку:

– Похоже, у нашей шлюхи высокого полета имелся еженедельник, куда она записывала адреса всех клиентов.

– Если убийца его не прихватил с собой, значит он не был клиентом.

– Посмотрим. Или он просто умный человек. Такое редко, но бывает. И он оставил еженедельник на месте, чтобы отвести от себя подозрения.

– А как он вошел?

Ван грозно нахмурился. Вик поднял руки вверх:

– Ладно, не буду. Думаю, он взломал дверь. Я видел, когда заходил.

– Вот видишь, когда ты начинаешь думать... А надо всякий раз подумать, прежде чем что-то брякнуть. Ладно, пошли отсюда. Я сегодня без машины, едем на твоей.

– Я бы с радостью, да она без мигалки.

– Черт возьми, парень, я вижу, мы с тобой не договоримся.

Вик окликнул его:

– Эй, Мо!

– Чего тебе еще?

– Спасибо, что не назвал меня V8! После двадцати дней мне даже просто «парень» как маслом по сердцу.

Ван так резко обернулся, что у него хрустнула шея:

– У меня на весь Париж всего один кореш, да и тот карликовый сомик.

Вик ускорил шаг, чтобы поравняться с ним.

– Мне никто не помогал, не было у меня никакого блага.

– И тебя приняли с первого захода? Это что, прикол такой?

– Я показал лучший результат по психологии.

– Ах, по психологии... Ну и шел бы в психологи. Зато, кажется, в стрельбе и в рукопашном ты провалился с треском.

– Быстро же разносятся слухи.

– Знаешь, на одной психологии далеко не уедешь. А вот если у тебя предок сидит в Межрегиональном управлении судебной полиции, тогда...

– Я уже сказал, не было никакого блага.

Ван махнул рукой:

– У меня тоже. Тебе не нравится прозвище V8. А меня целых три года называли Мо Вьетнамец.

– Полиция и деликатность действительно вещи разные. Но ты ведь китаец?

– Китаец, кореец, японец... Для них все едино.

Перед тем как они залезли в «пежо», Вик хотел положить руку коллеге на плечо, но тот прожег его таким взглядом, что руку пришлось убрать.

– И последнее... Что ты почувствовал, когда входил сегодня утром в ту комнату?

– А тебе зачем?

– А я хочу знать... каким я буду через несколько лет. Отец мне дома ничего такого не рассказывал. И тот образ сыщика, что он создал у меня в голове, наверное, никогда не существовал.

– Ты что, только сейчас это понял?

– Можно сказать, что так. Так что насчет твоих ощущений?

Устроившись на сиденье, Ван провел пальцем по длинной трещине на ветровом стекле.

– А никаких ощущений. Абсолютно никаких. Вроде бы для меня это ненормально. Вроде бы я парень общительный и всегда готов позубоскалить... А тут...

Он вытащил из кармана пачку сигарет и сказал:

– Я заметил, ты все время таскаешь в кармане коробок спичек. Старая привычка, что-то вроде соски или леденца от рака?

Вик вытащил и открыл старый коробок:

– Тут две спички. Одну я зажег, когда выкурил последнюю сигарету в день свадьбы.

– А другая?

– Другая целая и много что означает. Если мне когда-нибудь захочется закурить, я открою коробок, чиркну спичкой, и тогда ко мне придет осознание серьезности этого поступка.

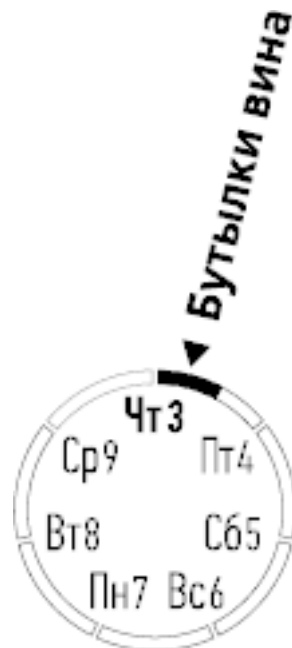
Ван нажал на колесико зажигалки.

– А твой старик курит?

– Смолит целыми днями.

– Все мы смолим. Это отбивает желание без конца до крови оттирать руки. И если отец ничего тебе не рассказывал, так это для твоего же блага. Чтобы ты поверил, какая у нас замечательная работа.

6 Четверг, 3 мая, 12:58

– Можно я зажгу свет? – спросил Вик.

– Не надо. Оставьте как есть, я не люблю света.

Жюльетта Понселе ютилась в тесной квартирке на юге Парижа. На три четверти закрытые ставни погружали гостиную в холодный полумрак. Мо Ван устроился на неудобном металлическом стуле и, сложив руки на коленях, внимательно разглядывал собеседницу.

– Вы собирались вот-вот переехать в квартиру Аннабель Леруа, я правильно понял?

Жюльетта была накрашена а-ля Мерилин Мэнсон, и лицо ее выглядело болезненно-белым. Когда Ван посмотрел ей в глаза, у него возникло впечатление, что он проваливается в две мрачные пещеры, выдолбленные в меловой скале. Странно, но это создание, с повадками и макияжем гóтов, не пролило ни одной слезы, узнав о смерти подруги.

– У нас все было серьезно. Мы познакомились в январе, и Анна сразу на меня запала.

Ван не смог скрыть удивления, и его выпуклый лоб перерезали три недобрые морщины. Жюльетта это заметила:

– Вас поражает, что девушка с ее внешностью обратила внимание на такую жирную корову, как я?

– Это уж кому что нравится...

Жюльетта наморщила нос:

– Это от вас так воняет?

– Из китайского ресторана, – парировал Ван.

Стоя позади него в полумраке, Вик едва заметно улыбнулся. Краем глаза он изучал обстановку в гостиной. Преобладали кожа, металл и винил. Имелись CD-диски «Gradle of Filth», «Paradise Lost», «Opeth»¹⁰, много «дет-метала»¹¹. Но не было в этом логове никаких признаков того, что его хозяйка снималась в садомазохистских порно.

¹⁰ Названия рок-групп 1990-х – начала 2000-х гг.

¹¹ «Дет-метал» (от английского *deth* – «смерть») – экстремальный поджанр метал-рока.

– А вы? Вы тоже на нее запали? – поинтересовался Ван.

Стоило ей отвести глаза, как сыщик буквально впивался в нее взглядом, стараясь уловить каждую деталь: неподвижно стиснутые руки в кожаных перчатках, движения плеч, напряженную шею, трепетание век.

– Поначалу Анна была не в моем вкусе.

– А какой он, ваш вкус?

Жюльетта наклонилась и провела рукой в перчатке по его лицу, словно давая понять, что с ее вкусом и так все ясно, и кресло при этом движении скрипнуло под ее необъятной тушей.

– А как по-вашему?

Ван обернулся к Вику и приглашающе постучал пальцами по соседнему стулу. Тот уселся и вытянул ноги.

– Тогда зачем вам была Аннабель, если она не в вашем вкусе? – продолжал Ван.

Жюльетта ответила не сразу.

– У нее водились деньги. И эти деньги позволили бы мне вылезти из дерьма, в котором я живу.

У Вана нарастало чувство, что он разговаривает с холодным куском мяса. Холодным и алчным. Под густым слоем макияжа лицо ее было довольно-таки безобразно.

– Разве ваше занятие не приносит дохода?

– А какое такое мое занятие?

Для допроса Ван, по его словам, выбрал форму «по limit», иными словами, «никаких границ». При таком допросе можно было, как в покере, идти ва-банк.

– Я тут немного пошарил по Интернету... Так вот, вы связываете мужиков, мочитесь на них, а потом бьете ногой по яйцам. Я правильно излагаю?

Видимо, слова Вана сработали, потому что Жюльетта адресовала тонкую улыбку уже не ему, а Вику.

Молодого лейтенанта эта улыбка просто пронзила. Он сглотнул слюну и, силясь говорить решительным голосом, повторил вопрос коллеги:

– То, чем вы занимаетесь, не приносит дохода?

– Это к делу не относится.

– Как это «не относится»? – снова вступил Ван.

– Анну убили, а вы меня спрашиваете о вещах, которые не имеют к этому никакого отношения. Пользуетесь случаем, чтобы удовлетворить свое нездоровое любопытство?

– Ну вы же знаете, каковы мужчины.

– Ищите засранца, который ее убил, а меня оставьте в покое. Я тут ни при чем.

– И это все, что вы почувствовали, узнав о ее смерти?

– Ну вот зачем вы так говорите?

– Не знаю. Обычно люди плачут, узнав о смерти того, кто им дорог.

– Слезы – для кого другого, но не для меня.

– Плачут все, даже самые стойкие, самые богатые, даже те, у кого и слез-то уже не осталось. Даже камень разревется, если умело его заставить, уж поверьте мне.

Жюльетта пожала жирными голыми плечами, сплошь покрытыми татуировкой. На сильно подведенные брови упали пряди волос.

– А я не из тех, кого можно разжалобить. Анна хотела меня приютить у себя. Она давала мне деньги. Мы трахались, и это было здорово.

Она встала, налила себе текилы и залпом выпила. На ней была какая-то ужасающая черная хламида и сапоги с молнией, на платформе.

Вик разглядел татуировку в виде кельтского креста с обвившейся вокруг змейкой, идущую от затылка вдоль по позвоночнику.

Сыщики обменялись вопросительными взглядами, а Жюльетта снова уселась в кресло.

Низко опустив голову, она замкнулась в молчании. Ван это молчание нарушил:

– Перед тем как познакомиться с вами, Аннабель видела ваши шедевры?

– Видимо, мои фильмы и привели ее к сближению со мной. Мы не на ступеньках Каннского фестиваля познакомились.

– Ее привлекал стиль soft в садомазо?

Она стиснула руки коленями:

– Нет.

– Почему же тогда она любовалась на ваши «подвиги»?

– Да так, по чистой случайности...

– Странная случайность, – заметил Ван.

– Со мной, например, бывает, что хочется посмотреть мультяк. А с вами не бывает?

– Только манги. Про Альбатора, Гольдорака¹²... Обожаю мультики про пиратов. Так, значит, ваши «внебрачные» отношения ее не смущали?

Жюльетта с недовольным видом уставилась в потолок. Вик не знал, как реагировать, а потому просто слушал.

– А она-то сама? – злобно бросила толстуха. – Спала с кучей мужиков, сосала все, что торчало, она-то чем лучше?

– Ну, с той только разницей, что предварительно не дробила им яйца острым каблуком.

– Грязный козел, – прошипела она.

Вику все больше и больше становилось не по себе. Эта женщина его заворачивала, леденила. А Ван, пропустив мимо ушей ее выходку, очень профессионально продолжал:

– Когда вы видели Аннабель в последний раз?

Жюльетта слизнула с губ капли текилы.

– Позавчера вечером.

– Где?

– У нее.

– А вчера?

– Я всю ночь была занята. Мы снимаем фильм для интернет-сайта.

Ван спросил себя, какой смысл она вкладывает в слово «занята».

– Отлично. И где снимаете?

– В одной усадьбе, в Фонтенбло.

Она повернулась к Вику и прибавила:

– У меня есть фотки с той вечеринки, если тебе, конечно, интересно.

– Я не люблю фото, – резко ответил Вик, вертя на пальце обручальное кольцо.

– Назови нам точный адрес, и мне будет достаточно, – сказал Ван, укоризненно покосившись на коллегу.

Жюльетта угадала слабинку Вика и окрысилась:

– Нельзя принимать людей в штыки, это нехорошо. Бери пример с китайца, он спокоен, что твой менгир. Вот только не пойму, трахался он уже или нет.

Она нацарапала на листке бумаги адрес и протянула Вику. Когда он брал листок, она чуть коснулась его пальцев своей перчаткой. Он отпрянул.

– Были у нее враги? – спросил Ван.

– Враги? А у кого их нет?

– Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

---

¹² Речь идет о персонажах аниме «Грендайзер», приключенческого анимационного сериала режиссера Кацуматы Томохару. Основная тема – роботы. В России известен под названием «Гольдорак».

Она, казалось, задумалась. Вик не смог удержаться и представил себе эту женщину «в деле». Вот она, стиснув зубы, затаенная в виниловый костюм, склоняется над типом в наручниках, которого ведет на поводке, как собаку.

– ...Куча паскудных продюсеров, с которыми она раньше работала. Другие актрисы, что завидовали ее успеху. Потом еще все эти хреновы поклонники, кому удалось раздобыть ее адрес, и теперь они пишут ей и мастурбируют над письмами. Да еще богатые клиенты, которые не просекают, что путана – не супруга.

– Поэтому она так часто и переезжала?

– Думаю, да.

– Она получала серьезные угрозы?

– Она никогда мне не говорила.

– А о чем вы разговаривали?

– Мы вообще много не разговаривали.

Ван и Вик украдкой переглянулись.

– Были у вас общие друзья?

– Нет. Никто не был в курсе наших отношений, мы их скрывали. Мы жили в разных мирах.

– Речь идет о сексе. Тут круг поуже.

Она ухмыльнулась:

– Да ничего подобного, шире некуда. Секс затрагивает всех. И меня, и вас, и этого парнишку. Целой тетради не хватит, чтобы описать все извращения, которые кроются в каждом из нас. Стоит только копнуть...

Она повернулась к Вику:

– Самые скверные – не те, на кого ты думаешь. Открой глаза – и поймешь.

Вик нахмурил брови. О ком это она? О нем? О Ване? Об Аннабель Леруа? Она встала и налила себе еще стакан. Мо похлопал Вика по плечу, словно ободряя и призывая активнее включиться в игру.

Жюльетта сжала ладонь в кулак и заговорила, словно сама с собой:

– Черт возьми, Анна... Как же тебя угораздило?

Вик заметил, что вторая ладонь осталась раскрытой, напряженной и неподвижной. И он вдруг почувствовал, как живот обдало горячей волной.

А девушка повернулась к Вану:

– И что теперь с ней будут делать? Я имею в виду... с телом...

– Мы пытаемся понять, как именно ее убили.

– Короче, вы собираетесь разрезать ее на куски.

– Можно и так сказать.

Она залпом осушила стакан. По подбородку побежала прозрачная струйка.

– Это довольно-таки смешно.

– Не вижу ничего смешного.

– Да вы просто не просекаете.

Вик колебался, и верхняя губа у него дергалась от волнения. Наконец он решился:

– Я...

– Что – ты?

– Я понял...

Жюльетта в упор посмотрела на него и повела головой в сторону Вана, чтобы тот продолжал.

– Потом прокурор или следователь выдаст тело родственникам...

– У нее нет родственников.

– В этом случае она останется в морге. Пока не отправится на кладбище.

Жюльетта еще приспустила жалюзи, и свет в комнате совсем померк.

– Может быть, она хотела бы, чтобы ее кремировали.

Ван поднялся и с хрустом потянулся.

– Мадемуазель Понселе, вас, возможно, очень скоро вызовут в полицию. Пожалуйста, не уезжайте из Парижа.

– Почему?

Сыщик заметил у нее за спиной трубку для курения опиума.

– «Бенарес»? «Юнан»?¹³

– Простите...

– Я спрашиваю, вы курите «Бенарес» или «Юнан»?

– Я вообще не курю. Это так лежит, для красоты.

Ван длинным ногтем поскреб себе кончик носа:

– Ну да, как рождественские елочные шары.

Вик, не вставая со стула, потер себе щеки и спросил уже гораздо более уверенным голосом:

– Если бы вам надо было оценить сексуальность мадемуазель Леруа в процентах, сколько бы вы ей дали?

Скрестив руки на груди, Жюльетта смерила его вызывающим взглядом:

– Что? Чего ты добиваешься? Хочешь выслужиться перед начальником? Произвести впечатление? Вы что, за сосунка его держите? – обратилась она к Вану.

– Он вовсе не мой начальник, – парировал Вик.

Она вдруг опустила перед ним на колени:

– Да ведь ты ничего этого еще и не нюхал, небось? Мерзость человеческую, мрак, сырые подземелья. Вот китаеза – он знает. Всеми потрохами знает... А ты – ты еще девственно-чистый.

Не сводя с Вика глаз, она встала, скрипнув кожаными сапогами.

– Интересно, что ты расскажешь про сегодняшний день своей благоверной?

– Правду.

– Сомневаюсь. Я мужиков хорошо знаю. Ничего ты не расскажешь, все станешь держать в себе. Ты не хочешь, чтобы твое грязное ремесло замарало твою жену. И на твой вопрос я не отвечу. Тебя это расстраивает?

Ван положил руку на плечо товарища:

– Пошли!

Вик тоже поднялся с места, но не сдался:

– Вы – полная противоположность Леруа. И внешностью, и вкусами, и финансовым положением. Здесь все мрачно и темно, там – повсюду свет. Она – день, а вы – ночь.

– Джекил и Хайд, так?

– Нет. Хайд и Хайд.

Жюльетта прикрыла глаза:

– Неплохо, малыш. Ты что, мозговой центр в вашем дуэте? А ну, валите отсюда оба!

А Вик продолжил:

– И сблизить вас могло только ваше сексуальное родство. Когда вас спросили, была ли Аннабель склонна к садомазохизму, вы спрятали левую руку, зажав ее в коленях. Может, тут и темно, но ваш протез предплечья заметен так же явно, как у собаки пятая нога. Ты тоже видел, Мо?

– Видел...

– В спальне у вашей подружки нашли костыли. Это вам ни о чем не говорит?

---

¹³ «Бенарес», «Юнан» – самые распространенные бренды опиума, названия связаны с провинциями, где их производят.

– Абсолютно.

– На костылях остались отпечатки пальцев. Я знаю, что там найдут и ваши. Предпочитаете уладить этот вопрос в участке перед односторонним зеркалом?¹⁴

Ван ничего не понял в истории с костылями. Жюльетта ведь тоже не хромала.

– Да отстаньте вы от меня! – не выдержала она. – Да, я пользовалась этими костылями. Как и все остальные. И что с того? Будете жаловаться на рукоприкладство?

– Мадемуазель Леруа страдала акротомофилией?¹⁵

– Чем?!

Это выкрикнула не Жюльетта, а Ван. Посмотрев на девушку, Вик догадался, что она поняла. Она быстро отошла в тень и спряталась в глубине гостиной, как летучая мышь прячется в глубине пещеры.

– А ты проникательный. Нет, ты и в самом деле проникательный, пронира ты этакий. И часто ты наблюдаешь за руками?

– Руки – продолжение эмоций. Так страдала или нет?

– Страдала...

Жюльетта налила себе еще порцию текилы. Видимо, так она хотела подчеркнуть свою скорбь.

– И не такой уж и зеленый, если подумать.

– Эй, мне кто-нибудь объяснит, что это такое? – завелся Мо Ван. – Эта ваша акрото...

– Может, мадемуазель Понселе нам объяснит... – отозвался Вик.

Жюльетта поставила стакан на стол и включила галогенную лампу на малый режим. И глаза ее оказались не черными, а темно-синими, почти красивыми.

– Слушай, скажи честно, откуда ты все это знаешь? У тебя есть жена, может, есть ребенок. Ты ведь еще только начинаешь, еще молоко на губах не обсохло. Азиат и тот не знает. А ты-то откуда?

Теперь Ван не отрываясь смотрел на искусственную руку с растопыренными, как свечки, пальцами.

– Ну? – повторила она. – Мы застеснялись?

Вик не решался взглянуть на коллегу:

– Я... я занимался исследованием наследственных болезней. И постепенно на это набрел.

– Набрел он... И ты думаешь, я клюнула? Я знаю, когда мужик врет.

– Хотите верьте, хотите нет, но это правда.

Жюльетта была почти одного с ним роста: около метра восьмидесяти. Она ненадолго отвернулась, и полицейские услышали щелчок. Потом положила на стол массивный предмет: литой резиновый протез предплечья. Тяжело ступая, Жюльетта подошла к Вику и задрала рукав своей хламиды. Под ним оказалась гладкая, как лысый череп, культия.

– Знаете, для чего были нужны костыли? Анна хотела, чтобы я хромала и опиралась на них, перед тем как лечь с ней в постель. Ей нравились врожденные хвори, всякие уродства, вроде шестипалых ног или искривленных больших пальцев. Она сама была путаной, но платила таким увечным, как я, за возможность трахаться с ними. Ей нравилось спать с такими вот несчастными уродами, со случайными ошибками природы. С теми, кого жизнь не баловала.

Она подошла ближе, и Вик услышал ее тяжелое дыхание.

– Так кто же хуже? Такие, как я, что выражают свои сексуальные наклонности манерой себя вести, манерой одеваться, как бы предупреждая: «осторожно, вы ступаете на опасную

---

¹⁴ *Одностороннее зеркало* – оптическое приспособление, устроенное таким образом, что, к примеру, свидетель не может видеть обвиняемого, а судья или кто-либо из следственной бригады – может. Используется при допросах, опознаниях, при работе с детьми, чтобы избежать психологической травмы ребенка.

¹⁵ *Акротомофилия* – сексуальное влечение к людям с ампутированными конечностями.

территорию», или суккубы¹⁶, которые, как она, прячутся за шикарной внешностью? Поверьте мне, такие женщины ходят по грани сумрака. Видимо, на этот раз она зашла слишком далеко.

Она выдержала паузу и продолжила, поглубже забившись в кресло:

– Ты меня спросил, как я ее оценила бы... Ну, ты бы ей, конечно, влепил пару, ведь Анна любила делать больно. По-свински больно. А я это обожала. Как оценила бы? Ну, не знаю... Может, дала бы восемьдесят из ста.

Выведенный из себя, Ван схватил Жюльетту за руку:

– Поехали в участок. Там все и расскажете: с кем она встречалась, где, когда и как.

– Вы что, издеваетесь?

Она попыталась вырваться, но сыщик держал ее крепко.

– А что, похоже? Можно все уладить, не делая шума. Поговорить с ответственными персонами у меня в отделении. Иначе придется вызывать конную полицию.

Жюльетта пожала плечами:

– Да в конце концов, мне плевать. Вот только вечером я занята. У меня съемка.

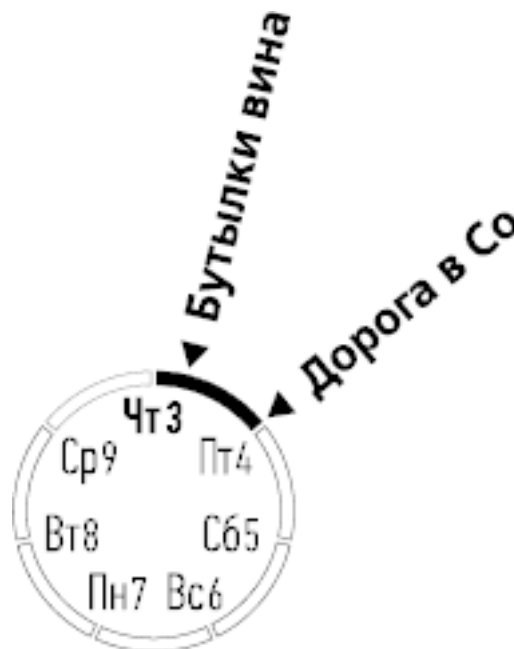
– Очередная «Золотая пальмовая ветвь»?¹⁷

---

¹⁶ *Суккуб* – демон-соблазнитель в женском обличье. *Инкуб* – демон-соблазнитель в мужском обличье.

¹⁷ «*Золотая пальмовая ветвь*» – приз Каннского кинофестиваля.

7
Четверг, 3 мая, 23:26
Сон второй: Дорога в Со

Посмотрев на себя в зеркало заднего вида, Стефан снова увидел на лице три глубокие царапины, которые доходили до самого подбородка. Пальцы у него дрожали. Наверное, ничто сейчас не могло бы унять эту нервную дрожь.

Он до предела утопил в пол педаль акселератора и включил радио на полную мощность.

Под аккомпанемент дикой мешанины звуков взгляд его упал на желтый билет, лежавший на приборной панели. Он взял билет в руку: музей Дюпюитрена¹⁸.

– Дюпюитрен... Дюпюитрен... Дюпюитрен...

В приступе внезапного гнева он выпустил руль из рук и в ключья порвал билет.

В лобовое стекло светила полная луна, истаявшая до полной прозрачности. Солнце уже окрашивало золотом горизонт. Стефан посмотрел на оба светила и загрустил и вдруг разрыдался.

Потом он глубоко вздохнул и крепко потер руками бритую голову. Глаза были мокры от слез, он достал носовой платок, который лежал вместе с машинкой для волос, латексной маской и запачканной кровью одеждой. Платочек был розовый, с вышитым мишкой. Детский платочек.

По радио журналистка зачитывала новости.

«...Невероятное стечение обстоятельств, в результате которого в руках вот этого человека оказался выигранный билет лото. Давайте послушаем его...»

Стефан прислушался.

«...Я никогда не езжу через Мери, но в этот раз мне нужно было в Понтуаз. И тут моя колымага бац! – и заглохла. Вот невезуха! Я же работаю по воскресеньям, а в выходные, даже

¹⁸ *Музей Дюпюитрена* – Музей патологической анатомии, в котором содержатся образцы всевозможных уродств. Назван по имени основателя, французского хирурга Гийома Дюпюитрена.

когда очень нужно, помощи ждать неоткуда. Ну, расстроился, конечно, еще один скверный денек на мою голову... Что было делать? Пошел в табачный киоск, мобильника-то у меня нет. И что я вижу? Из киоска вылетает какой-то тип, причем билет лото он купил, а взять забыл. Ну, я его сразу и забрал, ведь он уже оплачен. Знаете, я не верю во всякие там совпадения, в шанс, в удачу и прочую ерунду. Ну, в общем, сам не знаю... Я себе говорю: никогда же не угадаешь... И потом, сегодня тираж, я пошел к приятелю, телефон у меня разбился. И представляете? Номера! 4-5-19-20-9-14, так я же... черт, я, наверное, брежу. Правда, я не единственный угадал, был еще один парень, кажется из Парижа. Ну, с моим количеством угаданных номеров ему тягаться не выходило. Может, это и свинство так говорить, но спасибо тому типу, что забыл билет. Моя развалюха заглохла именно тогда, когда он покупал билет, и я думаю, это был знак судьбы. Если ты меня сейчас слышишь, парень...»

Стефан оторвал пальцы от руля и пошарил по приборной панели «форда».

После указателя «Со» он свернул направо и въехал в узкую улочку. Пот и слезы заливали ему глаза, и это доводило его до бешенства. Не отрываясь от руля, он вытащил из бардачка пистолет и положил его рядом с собой. Указательный палец улегся на курок, где было выгравировано: «зиг-зауэр».

– Ты не сумасшедший. Нет, никакой ты не сумасшедший.

А звуковые колонки орали:

«...об очень печальном совпадении. Несколько часов назад спелеологи, собираясь взять пробы грунта, обнаружили в карьере труп маленькой Мелинды. Согласно последней информации, малышке раскроили череп, а потом утопили в одной из галерей пещеры, на глубине нескольких десятков метров. Надо заметить, что карьер закрыт для посещений публики из-за серьезных наводнений, случившихся там в прошлом марте, но это не мешает спелеологам проникать туда с риском для жизни...»

Стефан весь обратился в слух и чуть не пропустил поворот.

«...а теперь послушаем, что сказал капитан Лафарг из жандармерии Мери-сюр-Уаз. Ему поручено вести расследование».

Стефан потер лоб, схватил вышитый носовой платочек, выпачканный кровью, опустил оконное стекло и выпустил платочек из рук, а потом следил в зеркало заднего вида, как легкий кусочек ткани уносит ветер. Точно так же он избавился и от окровавленной одежды, в том числе и от рыбацкого костюма цвета хаки.

«...Поимкой подозреваемого уже занимается группа сыска в составе более десяти человек. Приметы его достаточно четки: мужчина европейской наружности, тридцати – тридцати пяти лет, рост около метра восьмидесяти, глаза черные, длинные черные волосы. Он...»

Стефан прибыл на место и выключил двигатель.

– Совпадения... Все это просто совпадения...

Ключи выскользнули у него из рук, он нагнулся их поднять и стукнулся о руль. Сбоку на коврике под бардачком валялась отломанная ручка пассажирской дверцы. Он какое-то время на нее смотрел, потом стиснул пистолет и бесшумно вылез из машины.

Притаившись за кузовом «Порше-911», он внимательно оглядел номерной знак и несколько раз повторил вслух:

– 8866 BCL 92... 8866 BCL 92... 8866 BCL 92...

Потом поднялся.

На первом этаже зажегся свет, и его сразу загородил чей-то силуэт, по-кошачьи гибкий и в то же время мощный. Мужской силуэт.

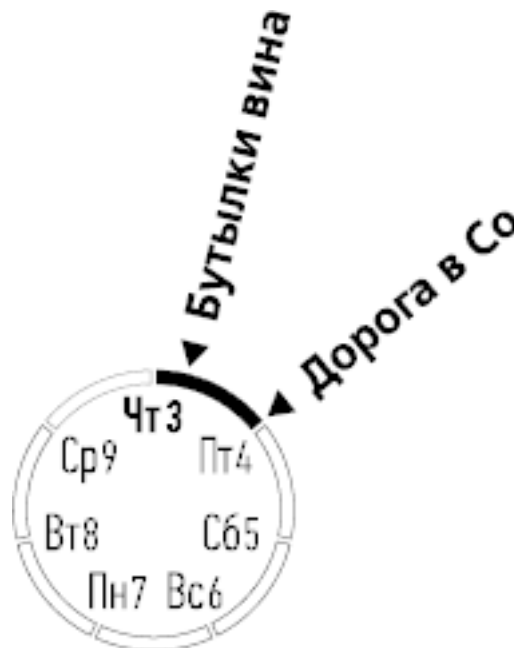
Стефан растворился в кипарисовой аллее.

– 8866 BCL 92... 8866 BCL 92... 8866 BCL 92...

Он прижался к входной двери, держа пистолет наготове возле правой щеки.

Раздался ужасающий грохот, словно взорвался хрустальный Тадж-Махал. И все погрузилось во тьму.

8
Четверг, 3 мая, 23:33

Раздался ужасающий грохот, словно взорвался хрустальный Тадж-Махал. И все залило белым светом.

Сияние вспорол тьму. Стефан поднял руку, чтобы загородиться от яркого света. На него смотрела удивленная и встревоженная Сильвия.

– Боже мой, да ты весь мокрый!

Свернувшийся на полу калачиком, как собака, Стефан вскочил и снова чуть не упал – настолько он был оглушен. Налитыми кровью глазами он огляделся вокруг. Вот его монстры. Вот оборудование. Вот письменный стол.

– Сильвия?

– Нет. Дед Мороз. А ты, как вижу, опять заснул за работой.

Пошатываясь, Стефан подошел к ней и снова придирчиво осмотрел все вокруг. На стене висели фото знаменитых наркоманов: Грейс Мак-Дэниелс, Мери Энн Биванс, Билл Дёркс, трехглазый человек. Напротив стоял законченный бюст Карлы Мартинес, широко улыбаясь разрезанным горлом.

– Обалдеть! Поразительно!

Он бросился к зеркалу. Ничего. Ни царапин, ни синяка под глазом. Стефан подскочил к жене:

– Ты не согласишься?

Она заткнула нос:

– От тебя за километр разит потом. Подожди, попробую угадать... Снова приснился кошмар?

– Не кошмар, а...

– А что?

Стефан не знал, с чего начать. Он с трудом сдерживал нетерпение, словно гончая перед охотой.

– Я был он! Я был на его месте! Я сидел за рулем своего «форда»!

– В этом и есть принцип сновидений. Быть на месте самого себя.

– Да нет, ты не понимаешь! Я...

Сильвия вынула из волос шпильку, и они рассыпались по ее плечам.

– Ты прав, я не понимаю. Если ты взглянешь на часы, ты заметишь, что уже почти полночь, что я вернулась после долгого рабочего дня, проведя два часа в поезде и в метро из-за какого-то типа, бросившегося на пути. Ты сегодня хоть раз вылезал из своего подвала? Просто чтобы увидеть дневной свет?

Стефан бросил быстрый взгляд на свой блокнот. Ему хотелось записать, пока он не забыл, понять, почему в этом втором сне его щеку пересекали те же царапины. Почему на сиденье возле него валялся все тот же рыбацкий костюм цвета хаки. Зачем он ехал по незнакомым, но реально существующим улицам. Почему при нем было огнестрельное оружие, розовый детский носовой платок, окровавленная одежда... Кто вырвал дверную ручку.

– Да, разумеется, я поднимался. Чтобы прогуляться по лугам.

Сильвия, улыбаясь, потеряла виски:

– Я оставила для тебя в холодильнике рис с карри. Ты к нему не притронулся.

– Совсем не хотелось есть. А сейчас с удовольствием.

– Ну конечно, полночь – самое время обедать. Логично.

Стефан, словно не в себе, не находил себе места.

– Надо пойти в жандармерию.

– Зачем? Что случилось?

Стефан затряс головой. Лоб пересекли горестные морщины.

– 8866 BCL 92. Цифры номерного знака, которые я непрестанно твердил. Необходимо найти автомобиль и его владельца. Все в этом сне чересчур конкретно...

Он указал на одного из своих монстров:

– На мне была одежда Сумрака, его рубашка в черно-белую клетку, штаны. А мои вещи, залепанные кровью, лежали на пассажирском сиденье! А потом я действительно отправился с пушкой к владельцу автомобиля. И... думаю, сейчас я сделаю какую-то глупость.

Терпение молодой женщины лопнуло. Она схватила мужа за футболку:

– Глупость? Ты их еще недостаточно сделал? Тебе что, на всех плевать?

Он тоже принялся кричать:

– Нет, мне не плевать! Мне дважды снились кошмары с одинаковыми деталями. Я их прекрасно запомнил, они здесь, буквально засели у меня в кишках! Мне снится кусок мела посреди кучи угля, и я нахожу мел!

– Когда мы переехали, я собрала среди угольных брикетов целую коробку мелков и школьные доски. И все выкинула. Что тут необыкновенного?

– Ты мне ничего не говорила!

– А должна была?

Стефан обхватил голову руками:

– Есть еще столько подробностей, которые кажутся мне реальными!

– Настолько реальными, что заставят тебя выскочить из идущего поезда? Или... лучше уж я промолчу. Все это в прошлом, просто не хочу, чтобы все началось сначала.

– Я убежден, что номерной знак существует и что дом в Со сущ...

Стефан застыл на месте.

– Что с тобой? – неуверенно спросила Сильвия. – Почему ты на меня так смотришь? Иногда ты меня просто пугаешь. Я так боюсь, что твои прошлые демоны снова на тебя нападут.

Она отпрянула шага на три, но Стефан ее остановил:

– Со. Когда я сказал «Со», ты изменилась в лице.

– Нет-нет, просто...

– Что? Что – просто?

Она ответила не сразу. Глаза ее забегали.

– Этот... этот город, Со, мне кое о чем говорит. Мы с тобой уже обсуждали, когда...

– Когда что?

Она тряхнула головой:

– Черт! Не помню... Какая-то вечеринка, коктейль перед съемкой, что-то в этом роде...

Слушай, я сегодня устала. Забудь ты, ради бога, все свои кошмары и совпадения.

Но Стефан настаивал. Он явно нащупал какую-то деталь, набрел на след, который мог бы доказать, что он не сумасшедший.

– Номерной знак 8866 BCL 92! Красный «порше»! Красивый богатый дом с остроконечной крышей, покрытой синей с черным черепицей, с большими овальными окнами! Скажи, что ты вспомнила!

Сильвия погасила одну из ламп.

– Вспомнила? Но я же не сумасшедшая! Мне все это абсолютно ни о чем не говорит!

Она застыла в дверном проеме, усталая, с красными от напряжения глазами.

– Пойдем лучше спать. Завтра это обсудим, ладно? Если ты настаиваешь, то я возьму отгул и мы пойдем в жандармерию. Там все и выясним. Но не сегодня, только не сегодня, пожалуйста...

Она прижалась к нему и долго дышала во впадинку на его шее, еле сдерживая слезы.

– Я так боюсь, что все снова начнется...

Стефан тоже обнял ее. Зрачки его расширились в темноте. Ему все еще виделся розовый носовой платочек, запачканный кровью. В ушах звучали ужасы, услышанные по радио. Утопленная девочка... Мери-сюр-Уаз... Город всего в полчаса езды от Ламорлэ.

Не шевелясь, Сильвия принялась его тихонько уговаривать:

– Во всем, что случилось, твоей вины нет. Твоей вины нет...

Стефан почувствовал, как его охватывает боль: картины прошлого, крики, кровь... А Сильвия все говорила и говорила, но он воспринимал только обрывки слов.

– ...Кошмары, предчувствия, твое бесплодие – все это терзает тебя, а потом вырывается на поверхность. Я не хочу, чтобы тебя загружали лекарствами. Не хочу еще раз пережить ад.

Она порывисто и нежно приникла к нему и прошептала:

– Ты должен сказать мне, почему мы переехали сюда, Стефан. Должен довериться. Ну что ты ищешь в этом заброшенном доме, в этом всеми забытом городке?

Стефан вздохнул. С каким наслаждением он бы крепко прижал ее к себе и замучил бы ласками, пока они шли до спальни. Но желание не приходило. Не приходило, и все тут. Слишком много ужасов колотилось в его мозгу. Они уже давно съедали его, душили и давили.

– Ничего я не ищу. Совсем ничего.

Сильвия шептала, и голос ее прерывался всхлипами:

– Я хорошо помню, как ты меня в первый раз ночью привел к себе в мастерскую в Баньоле, где ты еще только начинал. Помнишь?

– Я... прости, но бордо мне выжгло все нейроны.

Она прикрыла глаза:

– Ты тогда напялил какую-то латексную маску человека лет восьмидесяти, встал передо мной на колени, протянул мне букет искусственных цветов и спросил, буду ли я тебя любить, даже когда ты превратишься в старого сварливого хрыча.

– И... что ты ответила?

– Я вырвала у тебя из рук букет, отшвырнула его в сторону и повалила тебя на пол. И мы любили друг друга посреди муляжей каких-то обгорелых трупов. Я была совсем голая, а ты не снял маску и ботинки. И я тебе тогда сказала: «Как бы ты ни выглядел, мне важно только то...»

– «...что у тебя в душе».

У Сильвии сжалось сердце.

– Пойдем наверх, прошу тебя. Сейчас ведь все почти как тогда.

Стефан зажег лампы, и монстры осветились красноватым светом. В этом театре ужаса он ласково провел рукой по нежному лицу жены:

– Я только кое-что запишу и сразу приду, ладно? Мне это очень важно. Я уже забыл некоторые детали предыдущего сна, и мне надо все зафиксировать, если я хочу сохранить все следы, если хочу все понять.

– Понять, что понимать нечего?

– Прошу тебя...

Она молча покачала головой, поджала губы и вышла, не сказав ни слова и не поворачиваясь к нему спиной.

В длинном коридоре еще стучали ее каблуки, а Стефан уже буквально набросился на записную книжку и лихорадочно открыл страницу 3.

Он отметил дату и предполагаемое время последнего сна: четверг, 3 мая, 23:25, и озаглавил его: «Дорога в Со». Потом тщательно записал все: каждую деталь, все зрительные и слуховые впечатления. Он ощущал себя свидетелем, камерой, которая регистрирует все события, не умея их осмыслить. Он видел то, что видел воображаемый Стефан, слышал то, что слышал он. Но не более того. Но здесь он был уже не тем всезнающим персонажем других снов, который действовал в изменчивой и невероятной обстановке. Здесь он бы сам собой, персонажем из реального мира. Даже слишком реального.

Затем он попытался сравнить оба кошмара. В обоих он рыдал. В обоих его била дрожь. В обоих было расцарапано лицо, причем во втором кошмаре гораздо глубже, чем в первом. Были следы от уколов на правом предплечье. Было оружие. И кровь. Кровь на руках, на одежде, на розовом детском платочке. А что, если обе истории стояли в одном ряду, обе представляли собой логичную последовательность событий? Но что это за события?

Стефан опустил в любимое кресло на колесиках. Странное дело... Ведь обычно он никогда не помнил снов! Ни в детстве, ни в юности. Как и большинство людей, страдающих сомнамбулизмом, он знал о сновидениях только из книг. Или из чужих рассказов.

Почему же теперь образы обрели такую отчетливость? Из-за полученной в аварии черепно-мозговой травмы? Из-за того, что он резко перестал принимать антидепрессанты и нейролептики? Может, оба этих фактора, объединившись, спровоцировали нарушения в определенных зонах мозга? Или же... это симптомы внезапно возникшей шизофрении.

Стефан посмотрел на свои ладони, проследил линию жизни. Он никогда не был ни шизофреником, ни психологически неуравновешенным человеком. Никогда. Все это совпадения, ужасные совпадения.

Он снова пролистал записную книжку, из которой уже начали выпадать страницы.

Оружие.

В первом сне, когда в него кто-то целился, он говорил о «черном одноствольном пистолете с обоймой». А во втором сне уточнял название: «зиг-зауэр».

Такой пистолет часто используют при съемках детективов.

Значит, речь шла об оружии сыщика.

Он встал и провел рукой по лбу. Футболка промокла от пота.

– Спокойно... Без паники...

Может, «зиг-зауэр» ему приснился просто потому, что другого оружия он не знал? Логично. А Со? Обрывки глубоко запрятанных воспоминаний? Почему у Сильвии тоже возникло ощущение, что она знает этот городок?

Он залпом выпил с четверть бутылки воды и бросился к ноутбуку, стоявшему позади гигантского монстра по имени Хищная Пасть, чьи акульи зубищи отбрасывали на экран угловатые тени.

В Гугле он набрал номер, стоявший во сне на номерном знаке: 8866 BCL 92. Никакого результата.

Потом поинтересовался Мери-сюр-Уаз. Слово «энок» ему смутно о чем-то напоминало, он где-то его уже слышал. Но когда? Вспомнить не удавалось, память шутила с ним шутки.

Он набрал «Енок», «Енос», «Еннок», «Ненос». Ничего. Но когда на вариант «Хеннок» он получил результат, сердце у него сжалось. Карьер Хеннока существовал на самом деле. В Мери-сюр-Уаз. Там, где тот тип из радио угадал цифры в лото. Там, где была убита малышка Мелинда. В городе в тридцати километрах от его дома.

С дурным предчувствием Стефан кликнул сайт любителей спелеологии.

Карьер Хеннока... Согласно статьям в Интернете, этот загадочный карьер разделялся на две части: на помещение для выращивания шампиньонов и подземный немецкий гараж, построенный во время Второй мировой войны. Карьер имел естественный свод, и в некоторых галереях вода была так прозрачна, что в ней, как в зеркале, отражались стены. Эта вода стояла с мартовского половодья, как утверждал сайт.

Мелинду нашли утонувшей. Снова совпадение?

На веб-сайте указывалось также, что в 1988 году в карьере Хеннока был снят фильм «Тайны пропасти». Несомненно, это могло объяснить, почему название карьера показалось ему знакомым. Вполне возможно, что подсознание снова сослужило ему службу.

Когда Стефан закрыл сайт, его била дрожь. Он решительно ничего не понимал.

Подойдя к кофейнику, он налил себе чашку холодного кофе. Ночь еще только начиналась. Ему предстояло докапываться, разбирать по косточкам, отыскивать. Может, попадется информация об этой Мелинде? О похищении? О капитане жандармов Лафарге? О последовательности чисел 4-5-19-20-9-14?

Ему подумалось о «Предчувствиях», о «Дежавю», о «Пропавшем», наконец, то есть о той серии американских фильмов, где один из героев играет в лотерею на номера, которые без конца повторяет сумасшедший. Эти цифры прокляты.

Предчувствие... Слово это все быстрее и быстрее завертелось у него в мозгу. Предчувствие не раз спасало ему жизнь и не раз приводило к фиаско. Прошли годы, и это понятие на крутом повороте его снова чуть не убило. Двенадцать букв, из-за которых его считали «психологически неуравновешенным». Так думали даже его приемные родители, с которыми он после восемнадцати лет порвал все связи.

Стрелка часов показывала три часа ночи, когда он, еле живой от усталости, набрал в поисковике слово «Дюпоитрен». Это знаменитое имя было напечатано на желтом билете, который он во сне порвал и выбросил в окно.

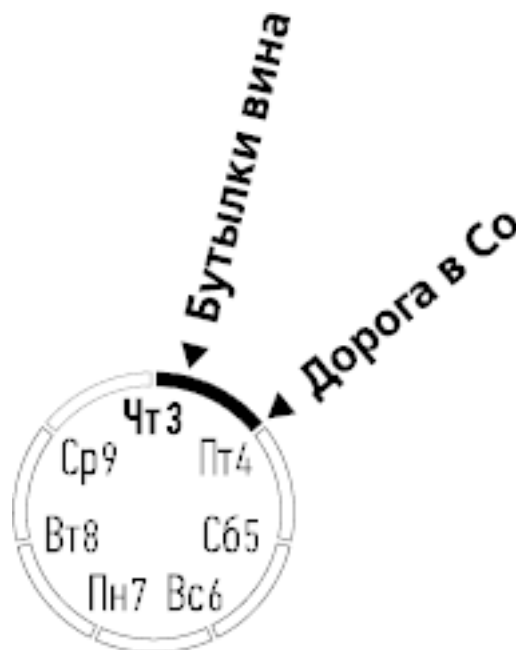
Появился ответ.

Стефан попятился и бухнулся в свое кресло, откинув назад голову, а потом еще раз взглянул на экран.

Музей Дюпоитрена.

Музей врожденных заболеваний.

9
Четверг, 3 мая, 23:54

Вик неподвижно стоял под уличным фонарем и вглядывался в здание из красного кирпича, отражавшееся в мокром асфальте. Как странно было оказаться лицом к лицу с этим сооружением, печально известным каждому полицейскому подразделению Парижа! В тусклом лунном свете парижский Институт судебной медицины, что на набережной Рапе, смотрелся как крепость.

Отвезя Вана в отделение – видимо, его коллега мало спал и много работал, – Вик вполне мог вернуться домой, к Селине, погладить ее по животику. Но что-то привело его сюда: любопытство, стремление докопаться, сделать дело как можно лучше, утвердить свое присутствие здесь, а самое главное – властное желание ни за что не спать. Не спать в эту первую ночь. В эту ночь он попытается стать сыщиком. Попытается.

Войдя в старое здание, Вик ощутил давящее присутствие смерти. Он прошел сквозь пустынные залы, где выстроились большие столы из нержавеющей стали. Стены пропитались гнилостным запахом. За долгие годы здесь производилось столько вскрытий...

Ему еще ни разу не приходилось входить в прозекторский зал, где вскрывали трупы. Только он собрался толкнуть дверь, как из нее, опустив голову, вышел майор Мортье. Заметив молодого лейтенанта, он вытаращил глаза. Потом стащил с себя маску, защитные очки и шапочку.

– Маршал? А ты что здесь делаешь?

Дверь в тамбур за его спиной с шипением прикрылась, но Вик успел услышать за дверью женский голос. Значит, судмедэксперт – женщина?

– Я узнал, что экспертиза начнется в двадцать один тридцать. Вана я отвез в отделение, а потом подумал, что у меня еще есть шанс...

– Шанс?

– Ну, это просто такой оборот речи.

Мортье покачал массивной бритой головой:

– Я вышел покурить. Покурю и пойду обратно. Мы уже почти закончили. Пошли, выйдем вместе.

Стоя на асфальте перед входом, он нервно затянулся сигаретой.

– Грязная история. Чертовски грязная история.

– А что показывает вскрытие?

Майор медленно выпустил струю дыма в небо. Атмосфера была наэлектризована до предела, напряжение хоть рукой трогай.

– А эта садомазо, Жюльетта Понселе, что говорит?

– Она встречалась с Леруа два-три раза в неделю. Исключительно ради секса. Махровый садомазохизм, а главное – с уклоном в акротомофилию.

– Это ты докопался?

– Ван устроил ей в отделении такое шоу, что она хочешь не хочешь, а заговорила.

– Он это умеет, если надо. Можно подумать, у него природный дар развязывать языки.

Вик кивнул. Они только что пообедали с Ваном вместе в закускойной, и он рассказал ему всю свою жизнь. А когда выходили, Вик вдруг осознал, что ничего не знает о коллеге, не знает даже, где тот живет. Зато узнал, как зовут его рыбку, карликового сомика: Пуаша, Сомик-крошка.

– По словам Понселе, жертва всегда питала склонность к разного рода ампутантам. Стоило ей на улице встретить человека с ампутированной ногой или рукой, у нее сразу же возникало страстное желание вступить с ним в сексуальный контакт.

– Да она просто чокнутая!

– И да и нет. Склонность и даже страсть к изуродованным телам – на самом деле не новость. Тут дело в образе, гораздо более распространенном, чем кажется. Леруа зарегистрирована на множестве интернет-форумов под ником «Bareleg», «Голоножка». Там ищут контактов те, кто именует себя *преданными* или *поклонниками*. Кого там только нет: подростки, замужние дамы с детьми, адвокаты, профессора. И все чувствуют тягу к ампутантам. Есть там и инвалиды, которые выходят на сайт, и, бывает, образуются пары поклонник – ампутант.

– Леруа и Понселе так и познакомились?

– Нет, Жюльетта Понселе в этих форумах не участвует. Это Леруа, увидев фильмы с Понселе и заметив, что у нее нет руки, сделала все, чтобы ее разыскать. И это ей удалось.

Мортье сделал три глубокие затяжки. Вдоль забора пес выгуливал своего старого хозяина, как выгуливал его каждый день, в одно и то же время. Согнутый старостью силуэт приветственно кивнул им.

– Что еще?

Вик вертел в руках свой разряженный мобильник. Мортье всегда говорил очень твердым и жестким тоном. И никаких тебе «спасибо, славно сделано, Маршалль» или «хорошая работа». Видимо, для него Вик был действительно хорош в плане добывания информации, как и всякий новичок, которому никто ничего не должен.

– Компьютер жертвы напичкан омерзительными фото и видео.

– Это Ван тебе рассказал?

– Почему опять Ван?

– Потому что обычно ему поручают все это дерьмо: его скотскими штучками не проймешь. Даже полиция нравов зовет его, чтобы просматривать фото, фигурирующие в делах педофилов. Ему от них ни жарко ни холодно. Как, впрочем, и от всего остального. Грустно об этом говорить, но парни с его закалкой ой как нужны. Так что там разглядели, в компе?

Вик слегка поморщился:

– Фотографии с хирургических операций, крупные планы окровавленных тел, отпиленных костей. Она снимала на видео вскрытия. Иногда сама появлялась в кадре, лаская отрубленные части мертвых тел. Судя по всему, у нее был либо приятель, либо клиент из судебных медиков.

- Из судебных медиков? Ты хочешь сказать, что...
- Не здесь ли это снимали? Не знаю. Я в жизни не был в зале, где происходит вскрытие. Однако, судя по следам от треноги на ковре, можно заподозрить, что убийца запечатлевал свою... работу, чтобы сдельно отчитаться для оплаты.
- А на тех видео в компьютере появляется судебный медик?
- Нет. Но поблизости нет и тридцати шести институтов судебной медицины.
- Но зато полно судебных медиков.
- Мортье загасил сигарету каблуком.
- Все это объясняет, почему ты здесь ошиваешься, верно? Хотел узнать по виду помещения, не здесь ли снимали?
- Отчасти. Но есть еще куча вещей, которые мне хотелось бы узнать.
- То-то ты скачешь как блоха.
- А мне любопытно. Я же ведь проныра, мне все интересно.
- А ты в курсе, что тебе повезло расследовать такое дело, будучи еще зеленым новичком?
- Надо быть полицейским, чтобы считать это везением.
- А ты полицейский?
- Вик не задумываясь ответил:
- Пока не знаю.
- Это хорошо. Для блатного ты хоть умника из себя не корчишь. Не то что некоторые.
- Никакой я не блатной.
- Мортье о чем-то задумался, потом сказал:
- Слушай, V8, я все думаю о том изуродованном пупсе, что валялся возле кровати.
- Вик громко, не таясь, с шипением втянул в себя воздух: это прозвище выводило его из себя.
- И что?
- У него ведь была отрублена рука. Как думаешь, почему?
- Я весь вечер об этом думал. Это должно быть как-то связано с *поклонниками*. Наш убийца нарочно изуродовал пупса. А это означает, что он был осведомлен о фантазмах Леруа. Может, это кто-нибудь из пользователей Интернета, с кем она входила в контакт...
- Или один из миллионов парней, с которыми она трахалась с самого рождения. Можно брать всех без разбора.
- Не так уж и без разбора, если мы имеем дело с ампутантом.
- Мортье покачал головой:
- Судя по тому, что он с ней сделал, вряд ли он инвалид.
- В наши дни делают хорошие протезы. На шарнирах, ну и все такое... Некоторые легкоатлеты бегают на протезах стометровку быстрее, чем вы пробежите пятьдесят.
- А ты не так-то легко сдаешься, а?
- Вик почувствовал, как в нем зашевелилась гордость. Нет, не напрасно он сюда приехал и хорошо, что встретил майора, даже если завтра его сочтут жополизом.
- Это как в шахматах. Сдаваться никогда нельзя.
- Ну, это вряд ли тебе поможет скорее стать хорошим сыщиком.
- Мортье чуть прищурился:
- Ты объехал все ортопедические магазины и больницы, находящиеся поблизости?
- К сожалению, время не растягивается. Я займусь этим завтра.
- Ладно, завтра так завтра.
- Вик вытащил из кармана леденец, развернул прозрачную обертку и отправил конфету в рот.

– Но это не объясняет, зачем туда положили еще семнадцать кукол, – продолжил он. – И почему их разложили именно так, как они лежали? Что за мизансцена? Матери бросаются защищать своих детей, словно им угрожает гнев Господень.

Мортье разглядывал фантик. Вик порылся в кармане и вытащил спичечный коробок, который сразу же сунул обратно, и целую пригоршню конфет.

– Хотите? Это Ван мне насыпал. Они с перцем. Здорово дерет! Он их называет «дыхание дракона».

Лицо Мортье озарилось улыбкой.

– Никогда не слышал. Должно быть, это большая редкость. А откуда они?

– Из супермаркета.

Вик прокашлялся.

– Скажите... я только что в отделении обнаружил у себя в ящике стола одну странную штуку.

– Презерватив, что ли?

– Намокший рулон пипифакса. Как вы думаете, чьих это рук дело?

– Спроси у Вана.

– Ван? Ну а если не он, тогда кто?

– Ты, должно быть, единственный не знаешь, кто это. Слабовато для следователя.

– Может, Жоффруа?

Майор направился к Институту судебной медицины, оставив Вика там, где тот стоял.

Потом обернулся:

– Ну так ты идешь или будешь дожидаться, пока все мертвецы разбегутся?

Вик потихоньку выплюнул забористую конфетку и пошел следом за ним.

– У тебя есть жена? – спросил Мортье, которому конфетка очень понравилась, судя по тому, как резво он ее гонял во рту.

Вик улыбнулся, потом ответил:

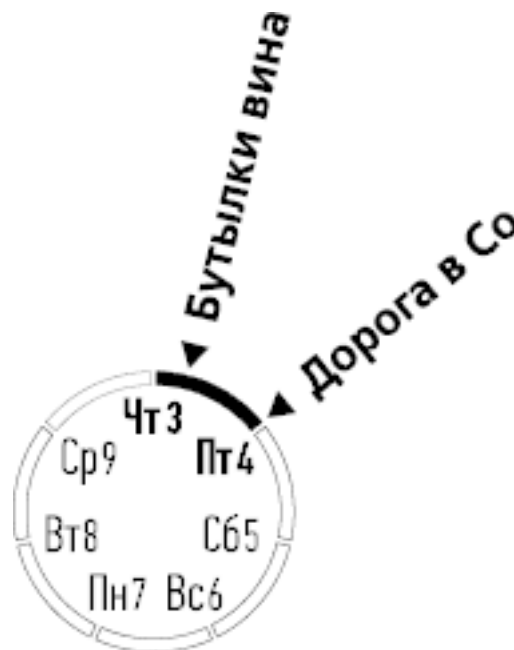
– Есть. Селина. Мы ждем ребенка. Определенно будет девочка.

– Ну да, ну да, это хорошо.

Мортье вздохнул и прибавил:

– Малышка, может быть, позволит твоей семье не развалиться.

10
Пятница, 4 мая, 0:10

Того, кто рискнет войти в прозекторский зал, больше всего шокирует открывающийся с порога прямой, откровенный вид распростертого тела под яркой, не дающей тени хирургической лампой. И разрезанное, выпотрошенное человеческое тело производит впечатление некоей окровавленной ложбины, где после перенесенных потрясений плоть – уже и не плоть вовсе, а просто органическая руина.

Под маской Вик старался сохранять самообладание. Он не знал, то ли подойти, то ли отступить... Справа он заметил офицера криминальной полиции, который сидел за дверцей с окошечком. Оттуда он боязливо протягивал руку за очередной порцией материала для экспертизы. Самого вскрытия он не видел и сидел в укрытии для тех, кто не выносит подобных зрелищ.

– Ну что? – шепнул Мортье. – Похоже на помещение из видео?

Вик помедлил с ответом. Запах кишечных газов и прочие ароматы, носившиеся по залу, начали заползать под маску.

– Не знаю. Думаю, все прозекторские залы похожи один на другой.

– Новичок? – спросила Демектен.

Ее белый пластиковый передник окрашивали длинные кровавые потеки, плечи были обсыпаны костной пылью. Выглядела она лет на сорок, черты лица резкие и суровые.

Молодой лейтенант кивнул.

– Вы неудачно выбрали время. Мы уже почти закончили, смотреть не на что.

– У него просто мания, – бросил Мортье, – появляться, когда остальные уже домой собираются.

Вик не услышал. Его взгляд был прикован к стальному баку, стоявшему рядом с отобранными для экспертизы материалами. Из него торчали длинные окровавленные иглы.

– Ровно сто одна игла, – уточнила прозекторша. – И были глубоко введены по большей части в мышцы или в нервы. Должно быть, это причиняло сильнейшую боль.

Она покосилась на Мортье, и тот одобрительно кивнул.

– Подходите, лейтенант, – сказала Жизель Демектен. – Вы в порядке? Обычно я ввожу новичков в курс дела, если что... Но вас мы действительно не ждали.

Вик глубоко вдохнул и постарался представить себе кусочек еды. Надо было точно, в деталях, представить кусок холодного жареного мяса. Обонятельные рецепторы носа насытились, и он почти перестал чувствовать вонь. Теперь надо было подойти к огромному застывшему ломтю мяса.

Ему вдруг во всей красе открылась вся эта еще сочащаяся кровью красная глыба, из которой вынули главные органы. Он быстро подумал о говяжьем филе, об отбивной с косточкой. Но потом, когда желчь начала медленно подбираться к горлу, образы тоже становились все хуже. Почки. Потроха. Мозги.

– Вам рассказать подробно или вкратце? – поинтересовалась Демектен.

Вик сделал три крошечных шажка назад и обернулся. Метра два. Отступить всего на два метра, чтобы удрать отсюда и умчаться к Селине. Это нездоровое место, это растерзание плоти вызывало в нем отвращение.

– *Пожалуйста вкратце.*

Он выдохнул это единым духом. И прозекторша адресовала ему истинно прозекторскую улыбку:

– Не знаю почему, но у меня на этот счет есть сомнения. Что-то вы очень бледный. Вы можете...

– Все в порядке.

Демектен взяла сердце, лежавшее на весах для взвешивания органов, упаковала его в пакетик и положила на место внутрь скелета. Она заново «укомплектовывала» выпотрошенное тело.

– По номограмме Хенснге¹⁹ при температуре 18 градусов в секционном зале, где производится вскрытие, по весу тела и температуре печени я могу заключить, что смерть наступила в ночь со среды на четверг, со второго на третье мая 2007 года, примерно около полуночи, вследствие многочисленных ран, нанесенных потерпевшей. Раны имеются на лице, на груди, а также на нижних и верхних конечностях.

По мере того как Демектен объясняла, Вик внимательно следил за каждой анатомической деталью, о которой шла речь. Все эти синяки, кровоподтеки, гематомы прочно впечатывались ему в память. Образы такого сорта обычно хранят при себе и никогда о них не говорят.

– Верхняя и нижняя губа, а также последние фаланги пальцев и кончик языка, длиной примерно сантиметра два, отрезаны весьма чисто. Убийца пользовался старым расширителем, скорее всего, чтобы жертва его не укусила, пока он режет. Расширитель был ржавый. Думаю, такими пользовались еще до появления челюстно-лицевой хирургии. Стоит проверить.

Демектен обошла труп и легким движением руки пригласила Вика подойти ближе. Мортель так и остался стоять в глубине зала, прислонившись к выложенной кафелем стене.

– Частицы кожного эпителия, найденные в смывах с правой ладони трупа, видимо, принадлежат убийце. Кроме того, я с определенностью могу заявить, что это продолговатые фрагменты высохшей, мертвой кожи, похожей на сброшенную во время линьки кожу змеи. Пробы находятся у меня за спиной. Еще я обнаружила на всей поверхности тела – на груди, на бедрах, на лобке – следы кукурузного крахмала. Обычно этот крахмал наносят на внутреннюю поверхность латексных перчаток.

На левом бедре жертвы Вик заметил татуировку в виде змеи. Что-то вроде питона с широко раскрытой пастью и хорошо видимыми зубами.

---

¹⁹ *Номограмма Хенснге* в судебной медицине – система расчета точного времени смерти по показателям температуры различных органов трупа, учитывая при этом температуру в помещении, где проводится исследование.

– ... Что говорит о том, что этот говнюк снял перчатки, чтобы ее потрогать, – уточнил Мортье.

– Да, но при этом позаботился стереть отпечатки. И еще одна деталь. Кончики волос жертвы в нескольких местах обожжены. Видимо, он развлекался с зажигалкой или еще чем-то в этом роде.

Она чуть отодвинулась и продолжала:

– А теперь взгляните сюда, на правое предплечье. Тут следы инъекций. Кололи многократно и достаточно агрессивно, даже спровоцировали небольшие гематомы. Видимо, жертва отчаянно сопротивлялась, несмотря на то что была крепко привязана. Пробы предстоит отправить в токсикологическую лабораторию.

Вик взгляделся в предплечье, испещренное лиловатыми следами гематом:

– А что ей вкололи? Наркотик? Седативное средство?

Всякий раз, как он открывал рот, ему казалось, что его сейчас вырвет. Привыкнуть к такому было невозможно.

– Может быть, гемостатик. Кровь в ранах везде свернулась. Видимо, мучитель хотел замедлить кровотечение.

Вик обернулся к Мортье.

– Ага, – вмешался майор, – гаденыш хотел продлить удовольствие. Очевидно, ему это удалось.

Вик заставил себя взглянуть на разможенное лицо, на искривленный, застывший в трупном окоченении рот. Даже мертвая, эта женщина, казалось, еще кричала. Может, она повстречала самого дьявола?

Начинающий сыщик нервно барабанил пальцами по бедру и все спрашивал себя, какого черта он тут делает, в Институте судебной медицины. В Первом дивизионе. В Париже. На какую же каторгу он обрек Селину! И сдаться, повернуть назад он не мог. Что скажет отец? И кем он будет выглядеть перед семьей потомственных сыщиков?

– ... Да вы же...

– Простите?

Видимо, тут Демектен вышла из себя. Обогнув стол, она схватила жертву за запястье и поднесла руку к самому носу Вика:

– Снимите маску и понюхайте!

Вик послушался.

– Укус?

– И так пахнет почти все тело.

Вик перестал барабанить пальцами по бедру и судорожно скрипнул зубами. По правому предплечью вверх поползла боль.

– И что... И что это означает?

Демектен насмешливо хохотнула почти мужским басом:

– Но это же ваша работа, дорогуша! И это ваше дело – объяснить, откуда взялась гнилостная вонь на месте преступления!

– Из... извините меня...

Вик пустился бегом, толкнул вращающуюся дверь зала, вылетел в коридор и привалился к стене, схватившись за правую руку. Ее, от груди до самых кончиков пальцев, словно огнем прожгло.

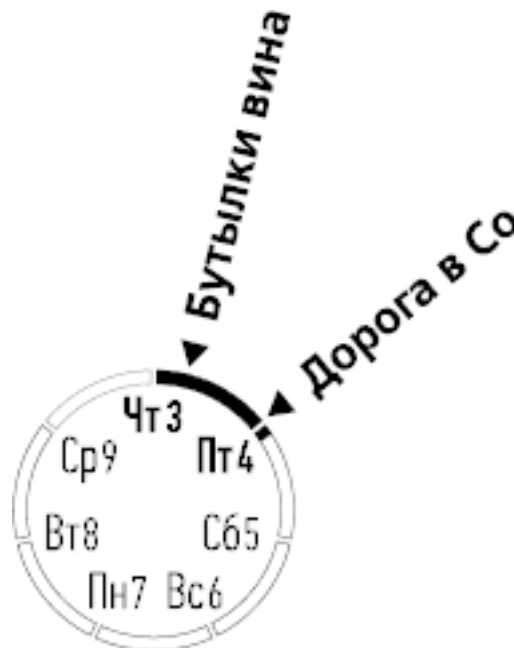
Едва он разжал зубы, как его догнал Мортье. Майор искоса на него взглянул и протянул ему визитку судебного медика:

– Вот ее координаты, если возникнут вопросы. Звони в любое время, она часто дежурит. Ты не переживай, V8. В первый раз со всеми так бывает. Ты себя повел не хуже других.

Прежде чем отправиться к выходу, он протянул Вику пакет:

– Здесь фотографии с места преступления... Если захочешь продолжить путешествие в ужас. На темное пятно на снимках внимания не обращай, это дефект пленки. Оставь их себе, у нас в любом случае есть цифровые копии. А Демектен передает тебе привет и говорит «Добро пожаловать в Панаму...».

11
Пятница, 4 мая, 02:26

Подъехав холодной ночью к дому, Вик чувствовал себя скверно. Его словно выпотрошили, и хотелось только одного – выпить чего-нибудь покрепче.

Наверху, на четвертом этаже, светилось окно. Он молча шагнул в безликое замкнутое пространство лестничной клетки, которое уже начал ненавидеть.

Селина сидела за столом, положив голову на руки. Рядом стояли пустая тарелка и прибор, видимо нарочно оставленные на столе. Когда Вик вошел, она даже не обернулась.

Он обнял ее сзади, положив подбородок в ямку на плече:

– Как дела, малыш? Хм, ты надушилась?

– Да уж не то что ты... От тебя пахнет... гнилью какой-то.

Она встала, пригвоздив его к месту взглядом, вылила чай в раковину и удалилась в спальню, вся в волнах великолепного голубого кимоно.

«Не может быть...» – прошептал про себя Вик.

О стаканчике, который приготовился выпить, он сразу позабыл. Не расшнуровывая, он стянул с себя кроссовки, разделся на третьей космической, не глядя бросил одежду на гребной тренажер, нырнул на пару минут под душ и сразу залез под одеяло. Жена лежала, повернувшись к нему спиной. Он нежно к ней прижался, ласково провел рукой по тазу и уже подобрался к пупку, когда она схватила его руку и отпихнула назад.

– Вот, значит, какова теперь будет моя жизнь? Покорно дожидаться вместе с ребенком, когда мой муж изволит явиться домой в немыслимое время? Хоть бы позвонил!

– Я тебе звонил из отделения! У нас было вскрытие!

Он помолчал, потом снова заговорил:

– Мой коллега Мо Ван человек весьма специфический, но очень славный, мы...

– Да плевать мне на твоего Мо Вана! И ты должен был ужинать со мной, а не с ним. Ты никогда еще так со мной не обращался. Что на тебя нашло?

– Вот тебе раз! Ты что, устраиваешь мне сцену из-за того, что я впервые в жизни поел не дома?

Вик провел рукой по своим коротко остриженным влажным волосам.

– Понимаешь, я новичок, и они заставили меня присутствовать при... при вскрытии. Это что-то вроде боевого крещения. Конечно, так будет не всегда.

– То же самое твой отец говорил твоей матери, слово в слово.

Вик перевернулся на спину и заложил руки за голову. Наконец-то он вытянулся, и ему сразу стало хорошо. Он лежал с открытыми глазами, и перед ним проходили все мучительные детали сегодняшнего дня. Повсюду кровь. Жюльетта Понселе, королева порно. Останки Леруа на столе в прозекторском зале. Жуткая игра с иглами. Вихрь невыносимых запахов.

Вик долго тер себе виски.

– Думаю, сегодня я чем-то понравился майору. Кое-кого порасспросив, я обнаружил одну важную для расследования деталь.

– Тем лучше. Может, в результате ты станешь хорошим сыщиком.

– А ты сомневалась?

– И что с того, что сомневалась я? Ты сам в это не веришь. Ты себя словно заставляешь.

– Нет, теперь я верю! Я стану хорошим сыщиком!

– Ты всегда делал то, чего хотел папочка! Ведь в том, что ты стал полицейским, есть и его вина, ведь так? И в том, что мы оказались... в таком ужасном месте!

Она зажгла ночник и посмотрела на мужа тяжелым взглядом:

– Что ты приехал искать в этом поганом городе, в Первом дивизионе, если не карьеры, которую тебе наметил отец?

– Париж вовсе не поганый город.

– Поганый.

После такого трудного дня ему приходилось еще и оправдываться.

– Мы не могли оставаться в Авиньоне! Или ты хочешь, чтобы я до конца жизни составлял протоколы и ловил карманников и похитителей дамских сумочек?

Неподвижно глядя в потолок, Селина машинально погладила себя по животу.

– А почему бы и нет? Никто не может себя заставить заниматься ненавистным делом только из-за чужого мнения или из-за денег. У меня была очень приличная работа, и меня возьмут обратно, если...

– Ты и здесь себе быстро найдешь работу. Магазинов готового платья полно.

– Я не это хотела сказать. Если бы ты продолжил учиться на психолога, ты смог бы работать в кабинете у моего брата. И потом, я ведь говорила и о нашей жизни. О качестве нашей жизни. О нас с тобой, о нашем уютном уголке, о будущем ребенке...

Вик подавил вздох:

– Два года. Дай мне два года поработать в Первом дивизионе. И все очень быстро наладится. Мы отлично заживем. Ты же не станешь отрицать, что качество жизни моего отца отличное?

– Да, для разведенного мужчины. Для того, кто влюблен в Париж. Для одержимого, который вообще переселился в рабочий кабинет. Но я не хочу, чтобы ты стал таким же.

Глаза у нее погрузнели.

– Я сегодня гуляла возле детского садика.

– Опять? Не может быть...

– И я сосчитала, сколько там белых детишек. Хочешь знать сколько?..

Вик и хотел бы сдержаться, но все-таки перебил:

– Уж кому-кому, а не тебе об этом говорить. А тебя кем считали, когда твой отец определил тебя в школу в Марселе, если не вьетнамкой?

Пощечина прилетела Вику без предупреждения. Селина швырнула одеяло на пол, раскидала по спальне шахматные фигуры и, прихватив с собой подушку, убежала в будущую детскую.

– Мерзавец!

Дверь за ней захлопнулась, а Вик замолотил кулаком по матрасу:

– Черт! Черт! Черт!

Он встал и подошел к двери, но сразу вернулся обратно. Ну уж нет, с чего бы ему просить прощения? Рассерженный, он постоял в нерешительности. Нет. Ну разве его вина, что она не понимает? Она даже не спросила, как у него дела, с кем он познакомился сегодня. А он сегодня навидался столько ужасов, сколько она не видела за всю жизнь. А ей на это наплевать.

Он нагнулся, собрал мраморные шахматные фигуры и аккуратно расставил их по местам на доске. Надо будет найти шахматам более достойное место. Но где? Эта крошечная квартира была меньше спичечного коробка.

Вик вышел в гостиную, чтобы плеснуть себе коньяка. Бутылка была почата еще отцом. Сколько же времени он не притрагивался к алкоголю? С самой свадьбы? Но нынче ночью он сделает исключение. Чуть-чуть расслабится после дня, проведенного в аду.

Он включил компьютер и вышел из программы «Шахматы Европы». Сна – ни в одном глазу. Он вспомнил испитое лицо Мо Вана, его запредельную усталость и полез за аспирином в коробочку, стоявшую за монитором. Из головы не шли последние слова судебного медика. Жертва потела, тело пахло уксусом, и в прозекторском зале стоял необъяснимый запах разложения.

Во что же он вляпался?

Всем сердцем он надеялся, что полюбит эту работу. По всем принятым обязательствам – переезд, ребенок, отец – был просто обязан полюбить.

Он отпил глоток коньяка и поморщился. Какая гадость!

Потом набрал пароль и вышел в Интернет, в рубрику избранного. Тотчас же открылось множество названий: «Трисомия», «Амниоцентез»²⁰, «Гинекология». За ними шли более точные определения: «Мышечные боли в предплечье», «Цервико-брахиальная невралгия»²¹. Вик передвинул мышку и кликнул на медицинский форум, где после идентификации под ником «псб» получил доступ ко множеству исследований. «Испарина», «Разложение», «Уксус», «Введение игл в нервные узлы», «Гемостатика»²². Ничего убедительного в этих рубриках найти не удалось. Что касается испарины, то в статье говорилось, к примеру, о гипергидрозе, болезни, которой страдают постоянно потеющие люди. Но Жюльетта Понселе ни о чем подобном не упоминала, когда говорила о своей партнерше. Тогда чем объяснить обильную испарину у Аннабель Леруа? К чему принуждал ее мучитель? И как долго длилась пытка? И почему ее записывали на видео? Все это – вопросы без ответа, и ничего больше. Ван считает, что ремесло сыщика состоит в том, чтобы разворошить нутро, умело задав вопрос. Что ж, может, он не так уж и не прав.

Вик чуть обернулся: из детской доносились какие-то приглушенные звуки. Он поправил криво висевшую фотографию: Селина на фоне чудесного замка, который они мечтали когда-нибудь купить. Такие мечты, как правило, никогда не сбываются.

Следующие глотки коньяка пошли уже лучше. Не так уж и плох алкоголь. Головная боль утихла. Он взглянул на часы, кликнул на иконку, снова запустив игру в шахматы, и какой-то неизвестный противник разделался с ним за восемнадцать ходов. Все закончилось очень быстро.

Восемнадцать ходов... Восемнадцать кукол, и одна из них изуродована. Что все это значит? Высадившись на планету под названием «Полиция», Вик совсем растерялся. Он никогда

---

²⁰ *Трисомия* – добавочная хромосома в хромосомном наборе; *амниоцентез* – пункция жидкости из околоплодного пузыря.

²¹ *Цервико-брахиальная невралгия* – боль в руке, обусловленная нарушениями в шейном отделе позвоночника.

²² *Гемостатика* – учение о способах остановки кровотечений; гемостатики – лекарства, призванные увеличить свертываемость крови и тем самым уменьшить кровопотери.

не сталкивался с экспертом по судебной психиатрии, со специалистом по поведенческим реакциям, он терпеть не мог вида крови, а сегодня ночью впервые встретился с судебным медиком. И все это надо было немедленно понять и осмыслить. Надо было понять убийцу, прочувствовать и предвидеть его поступки, но перед ним маячил только смутный силуэт. Ледяной черный силуэт человека, способного смотреть жертве в лицо и хладнокровно отрезать ей губы и фаланги пальцев, снимая все на видео. Кто это – психопат или хищник? Он убивает в состоянии аффекта, из ненависти, из жажды подчинять и властвовать, а может, из мести? Примется ли он снова за старое? Когда? Где? И почему?

Вик закрыл все программы и помассировал правую руку. Он не в состоянии даже оружие держать как следует. Если ребята из бригады заметят...

Он подошел к окну. На набережной Сены, в свете круглой луны, телебашня Первого канала с несколькими освещенными окнами выглядела тотемом, жадным до новых образов и новых результатов. Кто там работал в такой час?

Интересно, есть ли такие, кому этот вид кажется прекрасным, кто действительно ценит этот мир жести, бетона и дыма?

Он взгляделся в крыши с целым лесом антенн, развернутых в одну сторону. Может, убийца Аннабель Леруа смотрит сейчас телевизор? Есть ли у него дом или квартира, есть ли жена, дети? Он что, тоже каждый день здоровается с соседями и гладит их собачек? А по ночам закрывается в подвале и смотрит видео со своими гнусными преступлениями? И тешит себя фантазиями, от которых любого вывернуло бы наизнанку?

Вчера ночью этот садист «священнодействовал», вгоняя одну за другой сто иголок в тело молодой женщины. А сегодня он затаился... Но ключом к преступлению владеет он один. И им всем: Вану, Мортье, Жоффруа – предстоит разгадать весь этот бред. И восстановить шаг за шагом кровавый путь убийцы.

Слегка пошатываясь, Вик вернулся к светящемуся в темноте экрану компьютера и снова вышел в Интернет, поставив рядом с собой круглую коньячную рюмку. Он всегда обожал докапываться, везде совать свой нос. А Интернет для тех, кто любит докапываться, – настоящий рай. Ну, по крайней мере в этой области он великолепен.

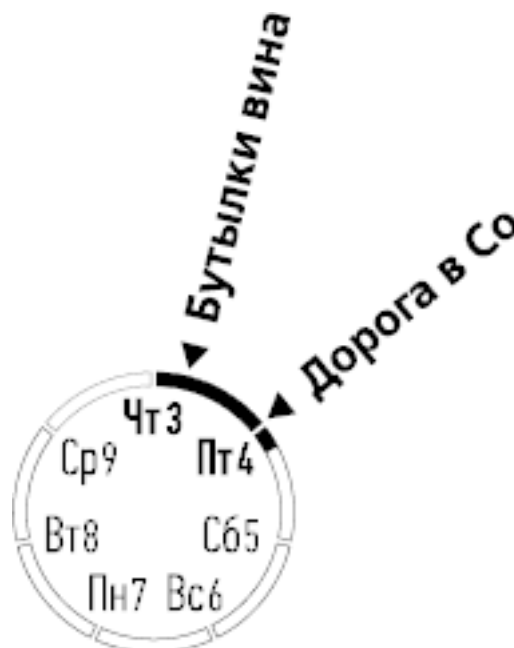
Спустя несколько часов, с вылезшими из орбит глазами, тяжело дыша, он все еще странствовал по сайтам, где речь шла о средневековой медицине.

Остатки адреналина еще помогали ему держаться в рабочем состоянии, но потом усталость его все-таки свалила.

Он отправился спать, оставив на экране включенного компьютера чье-то искаженное болезнью лицо.

Это был сайт, где говорилось об укусе. О разложении. О проказе. И о черной смерти.

12
Пятница, 4 мая, 08:22

Выходя из «форда» перед жандармерией Ламорлэ, Сильвия Кисмет все никак не могла успокоиться:

– Ты отдаешь себе отчет, что... что я перенесла все встречи, чтобы поиграть в охоту за воображаемым сокровищем?

Стефан разглядывал всадника, который появился посередине улицы у нее за спиной. Ламорлэ располагается неподалеку от Шантйи, конской столицы Франции. Это один из немногих французских городов, где на улице можно увидеть дорожные указатели «Уступите дорогу лошади» или кучку конского навоза перед светофором.

– Ничто тебе не мешало поехать на работу, – ответил он жене. – В любом случае надо же мне когда-нибудь снова сесть за руль.

– Когда-нибудь – да, но не сейчас.

Они вошли в жандармерию. Их встретил молодой старший капрал. День был выходной, погожий и ветреный, и Сильвия сияла в своей легкой юбке и со вкусом подобранной кофточке цвета зеленого яблока. Похоже, молодой жандарм был равнодушен к яблокам.

Стефан сказал, что у него только что украли велосипед и он запомнил номер машины: 8866 BCL 92.

– «Порше», говорите?

– Красный, как лак на ногтях у моей жены.

Капрал Туссар удивленно поднял на него глаза:

– Занятно... владелец «порше» ворует велосипеды.

– А вдруг «порше» тоже угнан? – вмешалась Сильвия. – Вы сможете это быстро проверить?

Врать ей было стыдно, но при всем том она прекрасно чувствовала комизм ситуации. Она долго колебалась, но потом подумала и решила, что лучше уж поехать вместе с мужем, чем оставить его самого разбираться, тем более в таком состоянии. А потом они поедут в странный

музей Дюпюитрена: через это надо пройти, чтобы Стефан понял всю глупость своих расследований.

Барабаня по клавиатуре компьютера, жандарм спросил:

– Вы можете прежде сообщить мне ваш адрес? Это понадобится для жалобы.

Стефан продиктовал адрес. Вид у стража порядка стал озабоченный.

– Ого, так вы... – Он смутился и совсем другим тоном закончил фразу: – ...живете в доме, где снимали фильмы ужасов?

Стефан раздраженно улыбнулся. Он знал, что собеседник наверняка его узнал и, как и любой обитатель Ламорлэ, решил, что он причастен к гибели маленькой Гаэль Монтё два месяца назад.

– Прежние владельцы действительно сдавали дом для съемок, но там снимали не только фильмы ужасов.

– Туда повадилась залезать ребятня, и это нас порядком пугало. Особенно когда лазили в подвал: там все было как в фильме «Техасская резня бензопилой».

– Благодарю за комплимент. Так что там с номерным знаком, есть какой-нибудь результат?

Туссар повернулся к Сильвии:

– И вам не страшно жить в таком месте? До того как там стали снимать фильмы, еще в прошлом веке, там был охотничий домик одной местной знатной семьи. А в подвале, судя по всему, разделявали дичь.

– Мой муж каждый день перерезает кому-нибудь горло, а в лоб всаживает ножи. Так что, знаете, разделанные туши животных...

Жандарм нахмурил брови.

– Видите ли... Я изготавливаю всяких монстров и муляжи для съемок и для выставок, – попытался объяснить Стефан.

Капрал успокоился. Широким движением он занес руку над клавиатурой и нажал указательным пальцем на «Enter».

Стефан нетерпеливо спросил:

– Ну что?

Туссар уткнулся носом в экран:

– Ага, ну вот, есть. Ваш пресловутый «порше» значится в картотеке номерных знаков, но не в списке угнанных машин.

Сильвия и Стефан удивленно переглянулись. Потом Стефан нервно отпрянул на несколько шагов и прошептал:

– Владелец «порше», который украл у меня велосипед... Невероятно...

А еще через несколько секунд он прищелкнул пальцами и рассмеялся. Он хохотал все громче и громче.

– Что вас так рассмешило?

– Со, правда? Она живет в Со?

Удивленный капрал убедился, что оттуда, где стоял Стефан, экрана видеть он не мог.

– А как вы узнали?

После этого вопроса Стефан захохотал еще громче. Сильвия пожала плечами, сделав непонимающее лицо. Она прекрасно знала, что ее муж затеял всю эту комедию с одной целью: узнать, кто владелец машины.

– Значит, она все-таки отважилась! Как сказала, так и сделала!

Он подошел к Туссару, размахивая перед собой рукой:

– Жалоба отменяется, наплевать! Ерунда все это!

Он потащил Сильвию за собой:

– Пойдем, дорогая, все в порядке!

Озадаченный жандарм несколько мгновений пребывал в смущении, потом спросил:
– Вы хоть можете объяснить, в чем дело?

Стефан отдышался, промокнул щеки платком и сказал, обращаясь к жене:

– Это Каро, моя детская подруга! Боль-ле-Пен! Май 1989 года! Нам... нам было тогда по тринадцать лет! Я у нее однажды увел велик и на ночь спрятал его в старом сарае! Вот только наутро велосипед действительно исчез! Это был отличный десятискоростной «МБК», на нем стоило обдирать ляжки! Она на меня смертельно обиделась и поклялась отомстить! И отомстила – спустя восемнадцать лет!

Стефан так заразительно хохотал, что вслед за ним жандарм тоже залился смехом.

– Каролин Дюварей? Регистрационная карта на имя Каролин Дюварей? Дюварюля-косуля! Ох, пожалуйста, скажите мне, что она не вышла замуж, что она свободна! Она уже в десять лет была такая...

Туссар его перебил:

– Э, да она замужем, уважаемый! Сертификат выписан на имя Эктора Арье.

* * *

Когда они вышли на улицу, Стефан похлопал Сильвию по плечу:

– Ну и как тебе мой номер?

Она строго на него посмотрела:

– Что все это значит? Что же ты все-таки ищешь?

– Просто хочу понять, что мне снилось. «Порше» оказался именно из Со.

– Ты уверен, что дело только в этом?

– А в чем еще?

Они сели в машину и сделали небольшой круг по территории. Короткий поиск в Интернете дал результат: точный адрес Эктора Арье. И адрес, и человек существовали на самом деле.

Спустя почти два часа, пересекши весь Париж с севера на юг, машина поехала вдоль парка Со, мимо замка и садов во французском стиле. перевозбужденный Стефан сидел на пассажирском месте и без устали твердил, что он уже видел все это прошлой ночью. Он знал названия улиц, особняки. Сидевшая за рулем Сильвия старалась сохранять спокойствие.

Дом они нашли быстро, он стоял в квартале Мари Кюри и был окружен цветущим садом. Никакого красного «порше» рядом не наблюдалось.

– Это он! – взволнованно сказал Стефан. – Милая, это тот самый дом!

Сильвия шумно втянула в себя воздух:

– Все эти особнячки смахивают друг на друга, что здесь, что в любом другом месте. Ты уверен?

– Конечно.

Стефан не любил этот ее взгляд, в котором читались жалость, страх и непонимание.

– Ты что-то неважно выглядишь, – сказал он, когда они припарковались.

– А я и чувствую себя неважно. Мой муж несет какой-то вздор и снова принялся откалывать странные штучки. У меня это вызывает худшие воспоминания! Мне вовсе не хочется, чтобы ты снова попал в больницу в разобранном виде или начал глушить себя лекарствами.

– Значит, ты мне не веришь?

– Поверить тебе? Да эти твои... галлюцинации ни к чему, кроме катастрофы, не привели!

Стефан смотрел на нее с грустью:

– Это не галлюцинации. Я вижу реальные вещи...

– Объясни, в чем разница.

– Сильвия, пойми меня, пожалуйста. Со вчерашнего дня мои сны абсолютно реальны.

Она отвернулась:

– Ну... иди постучись. Только сам, и убедись, что все твои рассказы – чистая глупость и пора уже опомниться. А то мне надоело гоняться за призраком, не желающим делить со мной постель.

Стефан осторожно прикрыл дверцу машины. Сильвия следила, как он нерешительно, почти испуганно идет к дому. Она глубоко вздохнула и кончиком пальца смахнула со щеки слезинку.

Дойдя до входной двери, Стефан несколько секунд мялся в нерешительности, прежде чем позвонить. За дверью послышались шаги, и ему наконец открыли. На пороге стояла очень красивая женщина лет тридцати. На обнаженные плечи спадали длинные белокурые волосы.

– Господин Кисмет? – с удивлением спросила она.

– Мы... мы с вами знакомы?

Женщина сделала шаг в сторону, чтобы бросить взгляд на «форд» за его спиной, и кивнула в знак приветствия.

– А вы не растеряли чувства юмора. Вам, должно быть, нужен Джон?

– Джон?

Она крепко стиснула ручку двери.

– Мой муж рано утром улетел на съемки в Антиб и вернется не раньше вечера. Чего вы, в сущности, хотите?

– Джон... Вы имеете в виду Джона Лейна? Декоратора? Так Джон Лейн и есть Эктор Арье?

– Да, Джон Лейн – это псевдоним.

– И мы с ним уже встречались...

Она спросила себя, уж не пьян ли он.

– На коктейле после окончания съемок «Умершей памяти». Позвольте все-таки спросить еще раз: что вам угодно? Это касается фильма, над которым вы с Джоном сейчас работаете, «Кровавой лощины»?

– Ваш муж тоже работает над «Кровавой лощиной»?

– Разве вы не знали?

– Н... нет... Впрочем, над фильмом всегда трудится куча народу.

Стефан вспомнил съемки «Умершей памяти» в прошлом ноябре. Он тогда создал несколько масок изуродованных жертв и сделал несколько манекенов, а Джон Лейн руководил строительством декораций. Они знали друг о друге понаслышке и несколько раз пересекались на съемочной площадке. Стефан поднялся на ступеньку крыльца.

– Мой вопрос может показаться вам странным, но... я ведь здесь уже бывал? Не знаю... может быть, после коктейля, к примеру. Я... я ничего не могу вспомнить. Провал в памяти.

Она улыбнулась:

– Это неудивительно, вы с супругой воздали должное бордо. Я вас помню хорошо. Вы... вы были такой экспрессивный и такой прекрасный имитатор! Особенно когда изображали Джима Керри в зеленой маске.

– Ну, это нормально, у меня практически тот же французский выговор, что и у него, это помогает.

Виктория принялась объяснять:

– Собственно говоря, вы оказались здесь после банкета в честь окончания съемок «Умершей памяти», потому что дорога была опасной из-за тумана. И Джон решил отвезти вас домой, но сначала завез сюда меня. Вам с супругой на заднем сиденье «порше» было очень... тесно.

– Красный «Порше-911 GT»?

– Именно так. Вы запомнили марку машины, и больше ничего?

– На самом деле я часто вспоминаю это место, улицы, фасад вашего дома.

Сбитый с толку, Стефан отступил на несколько шагов:

– Прошу прощения за беспокойство, мадам.

– О, ничего страшного.

Она кивнула в сторону «форда»:

– Но объясните мне все-таки, зачем вы приехали.

Он поднял руки вверх в знак капитуляции:

– Всему виной дурной сон, только дурной сон.

– И вы поехали в такую даль только из-за дурного сна?

– Скажите... Я все же задам вам еще один вопрос. В тот вечер ничего не случилось?

Может быть, у меня были причины рассердиться на вашего мужа?

Она явно удивилась:

– Да нет, ничего не случилось. Абсолютно ничего.

– Простите, как ваше имя?

– Виктория.

Она прислонилась к косяку.

– Как все-таки любопытно получается, когда люди переберут немного.

– Почему?

– Потому что в тот вечер мой муж стал в ваших глазах лучшим другом.

* * *

Вернувшись в «форд», Стефан хлопнул ладонями по приборной панели:

– Черт, ну и дела!

– Что случилось? Рассказывай!

Он пересказал разговор. Сильвия прикрыла глаза и вздохнула с облегчением:

– Ну и ладно. По крайней мере, это доказывает, что рецидива у тебя нет. И ты наконец поймешь, что никакие это не видения, а просто прорыв в подсознание. Или надсознание, не вижу разницы.

Лицо Стефана оставалось непроницаемым. Он был уверен, что в тот вечер вышел из машины с пистолетом в руке и собрался войти в дом. Это видение буквально сжигало ему все нутро. Что же на самом деле случилось в тот вечер? А что, если жена Джона, Виктория, сказала ему не всю правду?

– Да нет, я не сумасшедший.

– Теперь мы можем вернуться? И в этот твой музей, как его... можно не ездить?

– Нет, надо поехать.

– Но он же в самом центре Парижа! Напоминаю, у меня в половине седьмого парикмахер.

– У тебя еще куча времени. Поехали.

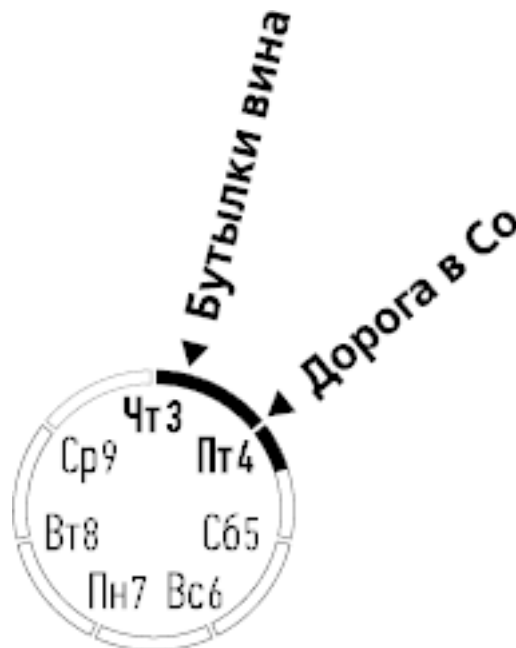
Сильвия взяла себя в руки, чтобы не взорваться:

– Ладно, едем. Но поклянись, что после этого оставишь меня в покое со своими кошмарами!

У Стефана потемнело в глазах.

– Ты больше о них не услышишь.

13
Пятница, 4 мая, 09:54

Придя в то утро на работу, Вик первым делом открыл ящик стола. Исключительно ради того, чтобы удостовериться, не засунул ли туда этот шут гороховый «тампакс» или еще какой предмет личной гигиены. Но все было в порядке, если не считать, что из клавиатуры вытащили клавиши и переставили их таким образом, чтобы получилось: V8 БЛАТНОЙ. За все три недели, что он служил в дивизионе, хуже еще не было.

Начинающий полицейский повесил кобуру на вешалку для пальто, аккуратно положил «зиг-зауэр» на место и налил себе воды из кулера. У него еще не выработалась привычка носить с собой термос. Здешний кофе из автомата пить было невозможно. Вик вернулся в кабинет, который делил с Жеромом Жоффруа – судя по постерам на стенах, горячим поклонником Памелы Андерсон и футбольной команды «Париж-Сен-Жермен» – и Ваном, предусмотрительно занявшим место у окна. Лучшего места, чтобы смотреть запрещенные видео, не придумаешь.

Ван вскорости появился.

Вик поздоровался.

– Ты не в курсе, что с клавиатурой моего компа?

Ван с ходу бросил пальто на вешалку, и оно, как всегда, зацепилось и повисло с первого броска.

– Ты о чем?

– Этот остряк-самоучка перемешал клавиши. Ты вроде бы возвращался сюда вчера вечером. Ничего, случаем, не видел?

– Похоже, это кто-то из наших.

– Тоже мне новость.

Ван приступил к ежеутреннему ритуалу: убедился, что корзина для бумаг на месте, выровнял рамку с рекламной фотографией аэролиний Макао с птичьего полета, разобрал свою мышку и прочистил ее длинным ногтем, а потом прохрустел всеми косточками с ног до головы.

– Ты не знаешь, что делают в соседних кабинетах какие-то типы, вооруженные газовыми горелками? – спросил Вик.

– Как, ты еще не в курсе? Да уже недели через две должны все закончить в новом здании, километрах в двух отсюда. Эти кабинеты отойдут Министерству юстиции. А мы неплохо устроимся, вот увидишь, там будет круто.

Он закурил сигарету, затянулся и выпустил колечко дыма.

– Ну, как вскрытие?

Вик пожал плечами:

– Я неплохо выстоял для первого раза. А сначала думал, что...

– Меня интересуют результаты. А все остальное, знаешь...

– Результаты... Да, конечно.

Вик уже закончил отчет, когда вошел Жоффруа с делами под мышкой:

– Первые результаты токсикологии, парни.

Он бросил документы к себе на стол, снял коуху, достал термос и налил себе маленькую чашечку черного кофе. За термосом последовала пачка сухариков, из которых он сейчас делает что-то вроде бутербродов с соленой бретонской масляной карамелью.

– Ну что, V8, все выжал из трупа нынче ночью? Как спалось? Хорошо?

– Сказать «хорошо» значило бы соврать.

– Ну, милости прошу к нашему шалашу.

Жоффруа был низкорослый, но повыше Вана – здесь все были выше Вана. Он почти полностью облысел, и у него не хватало нескольких зубов, выломанных соленой карамелью. Жоффруа раскрыл принесенные папки, не обращая ни малейшего внимания на клавиатуру Вика. Если он и притворялся, то у него это здорово получалось.

– Итак... В организме жертвы найдено два вещества. Во-первых, гемостатический гель, которым смазали каждую рану, чтобы остановить кровотечение. Этот говнюк хотел продлить удовольствие.

Ван с наслаждением выпустил из ноздрей струю дыма.

– Этот гель легко достать?

Жоффруа вытащил сигарету из пачки Вана.

– Ты меня удивляешь. Это как меркурохром, тот же бактерицид, только не такой мерзостный. А вот второе вещество, наоборот, достать гораздо труднее. Помнишь следы от уколов у нее на предплечье?

– Лиловатые пятнышки на правом предплечье, – подал голос Вик.

Жоффруа наконец удостоил его взглядом:

– И как по-твоему, что это такое?

– Наркотик?

– Морфин. Отсутствие его следов в волосах говорит о том, что инъекция была разовая и недавняя. Ты знаешь, для чего главным образом используется морфин?

– Ну, прежде всего его прописывают больным в больницах. Думаю, как обезболивающее.

Жоффруа ткнул пальцем в листки экспертизы:

– Правильно думаешь. Это анальгетик, который воздействует на центральную нервную систему. Его вводят умирающим пациентам или тем, кто попал в серьезную аварию... Он обезболивает, облегчает страдания.

Комната, окутанная дымом, походила теперь на турецкую баню для кандидатов в раковые больные. Вик открыл окно и взял свой стакан с водой.

– Ты хочешь сказать, что наш убийца...

– Матадор. Пока что назовем его Матадор.

– Матадор?

Жоффруа оперся рукой на стол:

– Знаю, что это глупо, но это идея шефа. И не ищи в этом прозвище ни малейших признаков гениальности.

– Ладно, договорились. Так, по-твоему, этот Матадор вколол ей морфин, чтобы ей не было больно, когда он всаживал ей иглы в нервные узлы и мышцы?

Лейтенант, которому угрожало полное облысение, загасил только что выкуренную сигарету. Ван быстро сунул пачку обратно в карман.

– Да нет, вовсе не для того, чтобы она не страдала. На этот раз побиты все рекорды садизма.

– Слушай, уже утро, а потому кончай со своей манерой напускать загадочности, прошу тебя.

Жоффруа обвел пальцем кривую графика в досье:

– Смотри. Вот точная дозировка морфина в соответствии с весом пациента и с длительностью действия.

Вик и Мо подошли к столу.

– Морфин начинает действовать через пять минут после инъекции, а максимальный эффект наступает примерно через полчаса. И еще три часа действие продолжается. А потом...

Жоффруа схватил Вика за руку и крепко ее стиснул:

– Ну вот представь, V8: я тебя обездвигил, к примеру привязал, а потом вколол тебе от десяти до двадцати кубиков морфина. Через пять минут ты будешь под кайфом, но полностью в сознании. Ты догадываешься, что я собираюсь с тобой сделать, ты видишь, как я достаю инструменты. Скальпели, хирургические ножи, иглы. Сотню здоровенных иголок. И я медленно вожу ими у тебя перед глазами, словно это свечи. Твои погребальные свечи.

Жоффруа все сильнее и сильнее сжимал руку, Вик снова почувствовал, как по ней поднимается жар, и попытался ее выдернуть. У офицера в потертой косухе была репутация драчуна. Он пригвоздил коллегу ледяным взглядом и продолжал:

– Все эти приготовления длились минут, может, двадцать. Минут десять мерзавец с ней говорил, рассказывал в подробностях, что собирается сделать, и это его заводило. Действие морфина достигло пика. И тогда он начал спокойно вводить иглы. Торопиться он не любил, все делал с оттяжкой. Как он их вкалывал? Ходил ли вокруг жертвы? Заглублял и снова вытаскивал их по одной или всаживал в тело сразу по нескольку? Потом отрезал пальцы, губы, вырезал язык, а раны смазал гелем, чтобы кровь не хлестала и жертва не умерла бы прежде, чем он закончит свою... работу. И все это время, находясь под действием морфина, жертва ничего не чувствовала. Она просто видела, как от ее тела отрезают по кусочку, словно делят апельсин на дольки, и понимала, чем это закончится.

Мо оперся о письменный стол. Под татуировкой с иероглифом Вик различил у него на руке еще одну, более старую, которую явно сводили лазером. Изображение дракона.

– Кажется, я начинаю что-то просекать, – сказал Ван. – Ну конечно, я кое-что понял. – Он присвистнул, а потом добавил: – Этот тип, конечно, сама доброта.

В горящих глазах обоих своих коллег Вик различил блеск сообщничества и полного согласия. Сколько же дел они распутывали вместе, сколько наполучали тумачков, сколько бессонных ночей провели, прежде чем достигли такого согласия?

Жоффруа снова заговорил:

– Оставалось четверть часа, Матадор свое дело закончил. Леруа он доконал. И вот морфин внезапно перестает действовать. Тело жертвы просыпается. Эффект фейерверка.

Он руками изобразил что-то вроде взрыва. Вик, стоя в сторонке и держась подальше от дымного облака, сказал:

– Он не желал, чтобы страдание усиливалось постепенно.

Лицо его при этих словах стало жестким.

– А у него есть мозги, у этого V8!

Жоффруа пошарил рукой, нащупывая сигаретную пачку Мо, но не нашел и вытащил свою из кармана кожанки. Однако не закурил и обратился к Вану:

– С недавнего времени я задаю себе вопрос. И вопрос этот уже все нутро мне прожег насквозь.

– Что за вопрос?

– Можно ли умереть от боли? Просто от боли, до того как откажут жизненно важные органы?

Ван посмотрел ему в глаза, и взгляд его помрачнел.

– Можно, мать твою... Гарантирую, что можно.

После его слов в комнате словно холодом повеяло. Сквозь стекло проникал отсвет работающих газовых горелок. Жоффруа смял в кулаке свой стаканчик:

– Этот гад довольно много времени провел со своей жертвой. Он развлекался вовсю, притащил кучу кукол и выстроил из них этакий карточный домик. И никаких следов! Единственный смазанный отпечаток на крошечном кусочке мела. На куклах ни одного отпечатка, и никаких свидетелей! Ну пока никаких.

– А есть надежда, что появятся?

– Есть. Там, напротив, на парковке таможенного склада, нашли много пустых бутылок. Работники соседней киношки утверждают, что их натаскал какой-то бомж. Его сейчас ищут.

– А что насчет слегка обгоревших волос Леруа?

– Полная тьма. Может, она сама их сожгла феном? А может, этот садюга поработал зажималкой. Кто знает?

– А что нового о тех клочьях чьей-то шкуры, что были у нее в руке?

– Исследуют. Экспертам лучше лишних вопросов не задавать, когда речь идет о ДНК...

Жоффруа уселся перед своим компьютером и полез проверять почту. Вик кивнул на термос с кофе:

– Можно?

– Ты что, сдурел или как?

Довольный произведенным эффектом, Жоффруа буркнул:

– Ладно, так и быть. Не хочу прослыть врединой, вроде того, кто сунул тебе в стол мокрый пипифакс. Но в следующий раз приноси свой термос. Да, кстати... Мо мне говорил о твоей жене. Можно взглянуть?

– На что взглянуть?

– На фото. Ты же наверняка таскаешь его с собой? Между коллегами есть правило: всегда показывать друг другу фото своих жен.

Вик достал из портфеля маленькое фото на документ.

– Ох, ни фиги себе! – воскликнул Жоффруа. – Теперь я понимаю, почему Мо с тобой закорешился. Не надо было тебе идти в полицию, мой мальчик.

– Почему?

Жоффруа достал сухарик и открыл баночку с карамельками.

– Телки ее типа обычно больно заботливые. Это она заставила тебя в день свадьбы бросить курить?

Вик испепелил Мо взглядом:

– Мы оба так решили.

– Закуришь опять, и достаточно быстро.

– Мне это не грозит.

– Закуришь как миленький.

Вик Маршалль налил себе кофе и заявил:

– А я сегодня ночью нарыл немало интересного.

– На какую тему?

– Я докопался до интересных вещей и понял, при чем тут уксус. А наутро один знакомый врач мою догадку подтвердил.

Жоффруа поднял бровь:

– Ну-ка, ну-ка, давай выкладывай, на что способен наш юный герой. Кто его знает?

– В общем, рыл я, рыл и нарыл трактат 1839 года «Медицина и хирургия для бедных». Чтобы не заразиться чумой, надо окуривать себя парами алкоголя или неразведенного винного уксуса. И этим уксусом надо протирать газеты, дверные ручки – в общем, все, что соприкасается с кожей. Там еще сказано про «уксус четырех воров». Банда злоумышленников во время эпидемии ухитрялась грабить зараженные дома, натирая себе тела винным уксусом.

Слегка оттолкнувшись пятками, Жоффруа отъехал в кресле назад.

– Чума? Ты что, Варгас²³ начитался?

Ван нахмурил брови:

– Варгас? А это что? Лекарство?

– Ты не знаешь Варгас, Мо? Это писательница! Детективы!

– Вот-вот, это самое я себе и сказал, – снова вступил в разговор Вик. – Это не роман. В том мире, где мы живем, неправильно представляют себе, что такое чума. Ну, в общем, я заинтересовался винным уксусом как таковым. Уксус, которым все пользуются чуть не каждый день, имеет множество химических свойств. А ты знаешь, почему он помогал от чумы?

– Чуме не нравился винный уксус?

– Вот именно, лучше не скажешь. Винный уксус – мощный антисептик, он убивает все бактерии на внешней поверхности тела или хотя бы препятствует их размножению. Египтяне бальзамировали умерших, чтобы замедлить процесс разложения, поскольку он, несомненно, зависит от увеличения количества микробов.

– Я давным-давно школу окончил. И дальше что?

– Можно предположить, что, покрывая тело уксусом, Матадор хотел отсрочить процесс разложения, чтобы... ну, не знаю... сбить нас с толку в определении времени смерти.

– Ну да. Вот только вонища на месте преступления исходит вовсе не от жертвы.

– Именно! Значит, Матадор притащил ее на себе.

– Мо, да это сенсация. Ну и?..

– То, что я хочу сказать, может показаться странным. Но во Франции насчитывается около тридцати шести болезней, порождающих такой запах у живого человека.

Жоффруа прищурился:

– Ты имеешь в виду гангрену?

Вик кивнул:

– Гангрена, ампутация, акротомофилия... Улавливаете связь?

– Ага, улавливаем, парень! – загорелся Ван и принялся прощелкивать себе суставы кистей.

Вик впервые ощутил себя на месте среди коллег. Он с гордостью продолжил:

– Связь невелика, но она существует. Когда я читал материалы о так называемых *поклонниках*, я набрел на информацию, что некоторые фетишисты доходили до того, что добровольно становились ампутантами ради удовлетворения своих фантазий.

– Ну известно же, что лучше себя самого не удовлетворишь, – включился Ван. – Но я плохо себе представляю, чтобы кто-то явился в больницу и сказал: «Здравствуйте, вы не ампутируете мне руку? Прошу вас. Это меня заводит».

Он выбросил окурок в окно.

– Что же, выходит, этот тип сам себе что-то отрубил?

---

²³ Речь идет об известной французской писательнице, историке и археологе Фред Варгас (наст. имя Фредерик Одуан Рузо). Кроме нескольких серий детективных романов, ее перу принадлежит исследование о чуме «Дороги чумы».

– Почему бы и нет? А без нужных инструментов и лекарств культя наверняка инфицируется, начнется некроз. Отсюда и гнилостный запах.

– Но тогда зачем лить уксус на Леруа? – спросил Жоффруа, хрустя сухариком.

Вик покачал головой:

– Понятия не имею. Может, он к ней прикасался, ласкал ее этой... гангренозной клешней и не хотел оставлять следы для нашей аппаратуры. А винный уксус убил все бактерии, уничтожил все следы.

– А может, он предпочел сохранить чистой свою жертву, – подхватил Жоффруа. – Желал прикасаться к незапятнанной поверхности, которую не тронула грязь. Может, ему самому была отратительна гниль собственной гангренозной культы.

– Вполне возможно, приятель. Запах, куски отмершей кожи, кукла с отрезанной рукой. И это объясняет, зачем ему был нужен морфин. И откуда он так хорошо знал дозировку. Он его колет себе, чтобы переносить собственную боль. Гангрена ведь должна здорово болеть.

– Особенно газовая или влажная. Ткани распухают, образуется сочащаяся язва, а потом начинается разложение.

Жоффруа бросился к термосу:

– Я бы сейчас выпил чего покрепче, чем эта бурда.

– А есть?

– Я имел в виду алкоголь. Если ты недоволен, не пей.

Вик залпом осушил свой стакан.

– А у тебя есть какие-нибудь мысли о том, какого типа убийца тут поработал? – спросил он.

Жоффруа натянул свою кожанку и кивнул Вану, чтобы тот шел за ним.

– Есть. Псих, больной на всю голову, но с прекрасным чувством юмора.

– Миленькое резюме. И теперь... что теперь делаем?

– А тебе нянька нужна? Майор пока не пришел, надо пошевеливаться. Мы с Ваном обойдем клиентов Леруа. И допросим с пристрастием всех, с кем у нее были давние связи. В том числе и в среде порнокиношников. А ты возьми двух-трех парней и прошерсти все больницы, медицинские кабинеты, все аптеки. Твоя задача – морфин, но прежде всего – больные с гангреной. Ни один живой мертвец, либо воняющий, как падаль, либо тот, у кого рука вовсе уже лиловая, не должен остаться незамеченным.

Перед тем как выйти из комнаты, Жоффруа в последний раз обернулся:

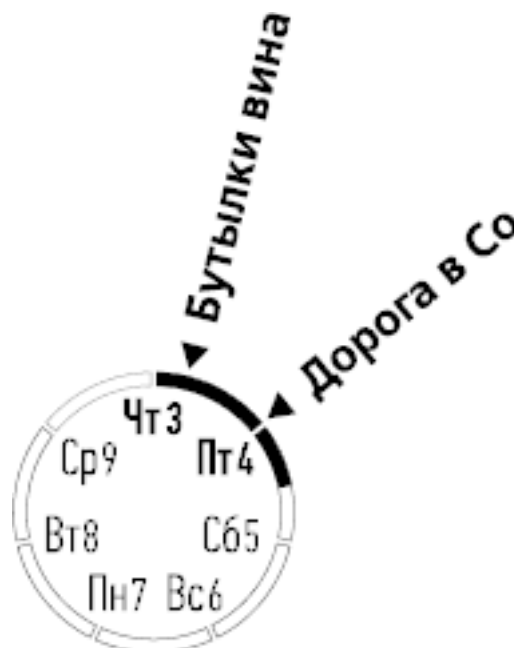
– Эй, V8!

Вик поднял голову:

– Что?

– Не посягай больше на мой кофе. Идет?

14
Пятница, 4 мая, 14:09

Стефан удивился, как легко удалось им проникнуть в Центр медицинских исследований Университета Пьера и Марии Кюри, что в Шестом округе. Они ожидали, что это закрытое заведение, по крайней мере с охранником у входа, а оказалось, что с улицы Медицинской Школы вход свободен для всех.

Они с Сильвией прошли сквозь просторные аркады вдоль цветущего сада. На квадратную зеленую лужайку лился яркий свет, в котором сквозили холодные оттенки, отливающие синевой, как свет в операционном блоке. Пара остановилась перед табло с указателями: амфитеатры, Хирургическая академия, Институт врачебной подготовки...

– Нам туда, – сказал Стефан, указав пальцем на название «Музей патологической анатомии Дюпюитрена».

– Тебе знакомо это место?

– Абсолютно незнакомо.

– А должно бы. Не слишком отличается от твоей Страны Тьмы... Куда ни глянешь – всюду монстры.

– Сожалею. Я бывал во многих музеях, но вот в этом не приходилось, могу гарантировать.

Они молча пошли дальше, он впереди, она за ним. И тут Стефан вспомнил другую надпись.

– Университет Марии Кюри... Джон Лейн, он же Эктор Арье, живет на улице Марии Кюри. Странно, правда? Оба места, как-то связанных с моими видениями, носят имя Марии Кюри.

– Куда бы ты ни поехал, везде найдешь улицу Марии Кюри. Надеюсь, ты не принялся снова за свои совпадения.

Она легонько толкнула его локтем:

– А я все еще нравлюсь. Студент, что шел нам навстречу...

– Это тот брюнет с горящими глазами?

– Он самый. Он дважды на меня обернулся.

- Если ты видела, как он обернулся, значит сама оборачивалась.
- Ревнуешь?
- Вовсе нет.
- Пошли. А ведь раньше сказал бы «да».

Стук их шагов по цементным плитам пола затихал. Они прошли мимо статуи в белом балахоне, изображающей Смерть: что ни говори, а медики обладали весьма своеобразным чувством юмора. И Сильвия, в который уже раз, спросила себя, зачем она пришла сюда, в это напыщенное, леденящее душу место. Под табличкой «Музей Дюпюитрена» виднелась самая обыкновенная деревянная дверь, а сбоку от двери была прищиплена афиша: «Выставка, посвященная Джону Меррику и фиброматозу²⁴. Открыта со 2 апреля по 31 мая 2007 года».

– Джон Меррик... Джон Лейн...

– Джон Фицджеральд Кеннеди, Джон Малкович, Джон Леннон... Хочешь, еще наберу?

Стефан не стал настаивать и толкнул тяжелую дверь. Выставка была открыта для посетителей. Они заплатили по пять евро за вход. Как и следовало ожидать, в ранний послеполуденный час по залам этого мрачного места, посвященного монстрам, бродили всего два-три студента.

– В 16:00 будет демонстрация документального фильма, не вышедшего при жизни Джона Меррика, – «Человек-слон», – пояснил служитель музея, молодой парень в белой рубашке.

– Мы пришли не затем, чтобы смотреть документальный фильм, – сухо заметила Сильвия.

– Жаль. В фильме очень хорошо показаны две важнейшие вещи. Во-первых, тот факт, что природа, обделив этого человека, дала ему выдающийся интеллект. И во-вторых, монстров из людей делает не болезнь, а общество.

Ашиль Дельсар, как было обозначено у него на бейджике, протянул каждому по билету. Стефан сразу же принялся разглядывать свой билет и нервно вертеть его в руках:

– Смотри! Точно такой, как я видел во сне! Желтый, со штампом музея Дюпюитрена! Не может быть!

– Ты же сам сказал: этого не может быть.

Сильвия снова подошла к хранителю, который раскладывал какие-то фотографии:

– Скажите, пожалуйста, вы видели когда-нибудь вот этого человека, моего спутника?

Парень в белой рубашке взгляделся в Стефана и пожал плечами:

– Я здесь работаю всего два года, а музей посещает много народу. Особенным успехом пользуется выставка «Человек-слон».

– Да, об этом все говорят.

– А ваш спутник не может сам вам это сказать?

– Благодарю вас... э-э... месье Дельсар.

Стефан подошел к служителю и краем глаза взглянул на фото.

– Сиамские близнецы-пигопаги²⁵, – с интересом констатировал он. – Срослись в области таза и позвоночного столба.

Ашиль Дельсар посмотрел на него с любопытством, он был явно заинтригован:

– А вы, как я вижу, заметно осведомлены.

Стефан улыбнулся и указал пальцем на другой снимок:

– Девочка с четырьмя ногами и четырьмя руками? Сдаюсь, не знаю.

---

²⁴ *Фиброматоз* – врожденное заболевание, которое проявляется в виде различных разрастаний соединительной ткани и может локализоваться в любых тканях организма: в костях, в жировой клетчатке, в железах и т. д.

²⁵ *Пигопаги* – близнецы, сросшиеся в области крестца.

– Она родилась в 2005 году и страдает очень редким заболеванием – ишиопагией²⁶. Я в прошлом ездил в Индию, в Бишар, деревню, где она родилась, чтобы ее увидеть.

– Но ведь это же очень далеко.

– Зато оно того стоило. Обитатели деревни считают, что девочка – реинкарнация богини плодородия Лакшми. Ее так и называли.

Сильвия вздохнула и потянула Стефана за руку:

– Если я мешаю, ты скажи. Ну, что мы сейчас делаем?

– На твой выбор.

– Ладно... Ну почему, с тех пор как мы познакомились, ты вечно тянешь меня в какие-то странные места?

– Мне всегда нравились странные места.

– Лично я предпочитаю Венецию.

– В монстрах переплетается скандальное с непристойным, сочетается несочетаемое, соединяются контрасты. Они меня притягивают, и тебя тоже, хочешь ты этого или нет.

– До чертиков умная тирада. Кто тебя на нее вдохновил?

– Да вот то самое, что сейчас перед нами.

Они вошли в зал со множеством стеллажей, где за стеклами витрин дряхлели сотни фрагментов скелетов и восковых моделей частей тел. Сильвия подошла, закрыв рот рукой. Все это вызывало гораздо большее отвращение, чем муляжи Стефана, потому что здесь почти все было по-настоящему. Все говорило о людях, некогда живших и страдавших от совершенно конкретных болезней. Она повернула голову к подборке деформированных челюстей. Муляжи из гипса, из дерева и из воска представляли патологии с непроизносимыми названиями. Там стоял и полный скелет человека, больного сифилитическим остеопериоститом²⁷. Берцовые кости у него по форме напоминали лезвия сабли. Дальше шли проявления костного сифилиса, глиоматозные²⁸ кисты, деформации таза в результате родовой травмы, туберкулез костей и суставов, хронические остеомиелиты, неправильно сросшиеся кости, пульсирующие остеосаркомы. Все, что природа создала явно в ужасе, все насилие над живой плотью было собрано здесь, в музее Дюпюитрена.

– Просто завораживает, – повторял Стефан. – Как же я раньше сюда не заходил?

Слева к нему подошел хранитель. Сильвия смотрела на него, высокого, пышущего здоровьем темноволосого парня, и невольно сравнивала с мрачным, погруженным в свои злоеющие мысли Стефаном. Один мучился своими внутренними монстрами, другой был занят тем, что выставлял монстров напоказ. А так ли они друг от друга отличались?

– Что-то не так? – спросил Ашиль Дельсар, заметив, что на него смотрят.

Сильвия смутилась и быстро перевела глаза на мужа.

– Нет, – ответила она. – Я действительно редко заглядываю по пятницам в галерею монстров. Мне все это отвратительно.

Ашиль сочувственно улыбнулся:

– А знаете, далеко не всех этих людей убила болезнь.

– В самом деле? А что же?

– Отношение окружающих.

Сильвия почувствовала, что ей не хватает воздуха. И тут взгляд ее упал на жуткое, страшное фото. Отец изготавливал аппаратуру для сына, а тот стоял перед ним на верстаке, как статуэтка без рук, без ног, одно детское тельце сантиметров сорок высотой, с лицом убитого отчаянием ангела.

---

²⁶ *Ишиопагия* – срастание близнецов в области промежности.

²⁷ *Сифилитический остеопериостит* развивается в результате врожденного сифилиса.

²⁸ *Глиоматоз* – опухоли нервной ткани.

Она быстро подошла к Стефану:

– Мы уходим!

А тот нервно бродил среди витрин.

– Не знаю, что мне делать, что искать. Я никогда здесь не был, это совершенно точно. Но ведь тот билет в моем кошмаре наверняка что-нибудь означает.

Сильвия взяла его за плечи и основательно встряхнула:

– Да посмотри же ты вокруг, черт возьми! Ты целыми днями возишься с монстрами, так что же нового ты сможешь найти в этих галереях?

– Тут совсем другое.

– Так ли это «другое» отличается от того, что ты видел в хосписах в Лионе?

– Там все экспонаты восковые, а это вовсе не одно и то же, это...

– Очень похоже! Ты, должно быть, слышал какие-то разговоры об этом треклятом музее. В Интернете, на съемках, на той вечеринке, когда ты напился. А ужасные рисунки каких-то детей у тебя в подвале? То же самое, что здесь! Ты здесь был, только забыл из-за аварии, из-за таблеток, но мозг сохранил информацию и выдал ее в ночном кошмаре. Все очень просто.

На них начали оборачиваться.

– Не надо кричать, – сказал Стефан, пытаясь ее успокоить.

– Либо мы сейчас же едем домой, либо возвращаться будешь уже сам! Знаешь, мне надоело водить тебя за ручку, с тех пор как ты без всякой причины пожелал переехать в свой поганый лес!

Стефан в последний раз огляделся вокруг и решительным шагом направился к хранителю музея:

– Вы знакомы с неким Джоном Лейном? Или с Эктором Арье?

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– А с Мелиндой? В Мери-сюр-Уаз? А последовательность цифр 4-5-19-20-9-14 вам известна?

– Ничего не понимаю.

Стефан протянул ему свою визитку. Доведенная до бешенства Сильвия дождалась у входа.

– Я... я не знаю, как вам объяснить, – пробормотал Стефан, – но вы сможете мне позвонить, если заметите что-нибудь подозрительное?

– Что-нибудь подозрительное?

– Да. К примеру, кто-нибудь будет меня искать. Или у вас в музее случится что-то необычное.

Хранитель нервным движением сунул визитку в карман. Стефан уловил сомнение в его глазах.

– Что? Что такое? – спросил он.

– Абсолютно ничего, – отозвался парень.

– Но я же видел! В чем дело?

Он проследил за взглядом хранителя. Тот глядел на входную дверь. Стефан щелкнул пальцами:

– Замок! Я заметил, его сменили, правда? Дверь взламывали!

– Послушайте, я...

– Сюда кто-то проник, а? Расскажите-ка!

Ашиль Дельсар попятился:

– Пожалуйста, месье, уходите.

Вне себя, Стефан схватил его за воротник:

– Скажите, что здесь произошло! Что-нибудь украли? Документы, уродцев, архивы?

– Пустите меня! Да пустите же, черт побери, или я вызову полицию!

Подбежали студенты.

– Проблемы? – спросил самый крепкий.

Стефан перевел дыхание и быстро замотал головой:

– Нет-нет, все в порядке. Все в порядке, о'кей?

Хранитель одернул рубашку.

– Вам надо успокоиться, старина. Этот замок сменили вместе с остальными на факультете. А по-вашему, дело в замке?

Стефан попятился, обхватив голову руками:

– Я быстро теряю контроль над собой.

– Это заметно.

– Извините меня... Не забудьте... о моей визитке, если... если вспомните какую-нибудь деталь...

Слегка обескураженный, он бегом нагнал жену на улице. Она выглядела более чем разъяренной.

– Милая, прошу тебя...

– Все закончилось? Едем домой?

Усевшись за руль «форда», Сильвия глубоко вздохнула, переводя дух. Стефан повернулся к ней:

– Я убежден, что... Послушай, эта история с замками... В музее явно что-то произошло, возможно, полиция в курсе и...

– Еще одно слово – и я выхожу из машины.

Стефан замолчал.

Они выехали на бульвар Сен-Мишель. И тут с ними чуть не столкнулась полицейская машина с включенной сиреной и проблесковым маячком на крыше.

– Грязный китайский придурок! – крикнула Сильвия водителю. – Нет, ты только глянь на этого карлика! Можно подумать, машина едет сама по себе!

Силы покинули ее. От испуга руки, лежащие на руле, сильно дрожали.

– Давай я поведу, пока ты не успокоишься, – предложил Стефан. – У тебя есть успокоительные?

– Забыла... Тебя надо как можно скорее показать врачу, чтобы он прописал тебе лекарства по сильнее.

Стефан смотрел прямо перед собой:

– Я не желаю больше ни твоих мерзких таблеток, ни психиатров. Точка.

– Да ты посмотри на себя, черт тебя дери! Ты на всех набрасываешься, всех норовишь оскорбить! Где бы ты ни появился, все считают тебя чокнутым! Везде тебе чудятся какие-то совпадения! Ты все больше и больше уходишь в свою Страну Тьмы. Такие симптомы не обманывают... и ты это знаешь...

Стефан выбросил свой билет в окно, Сильвия положила свой в бардачок.

– Ты все еще держишь меня за сумасшедшего?

– Позволь мне не дать тебе погибнуть. Позабыть о малышке и обо всем остальном. Лечение не...

– Я не шизофреник! Мои сны логичны, последовательны и точны! Они связаны друг с другом во времени! Кровь на руках! Направленное на меня оружие полицейского! А в следующем сне оружие уже у меня и я бросаюсь к Джону Лейну, чтобы его убить! И в то же самое время я слышу по радио о девочке, убитой в тридцати километрах от нашего дома!

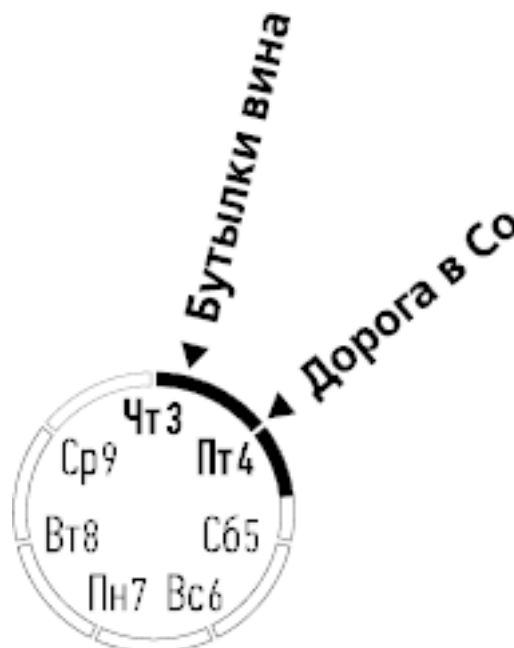
Стефан поправил резинку, которой были перехвачены его длинные черные волосы.

– И знаешь, что хуже всего? По радио говорили, что они ищут сбежавшего подозреваемого. И все его приметы в точности совпадают с моими! Это был я, и я специально тогда побрил себе голову, чтобы меня не узнали.

Он стиснул плечо жены и прошептал:

– Малышка Мелинда... должно быть, я был там, когда... когда ее убивали... И я наверняка что-то видел. – Откинув голову на подголовник сиденья, он закрыл глаза. – Или... или это я ее убил. Еще одно совпадение, еще одно происшествие... Боже мой! Может, я вот-вот пойму то, чего никак не мог понять всю жизнь, и смогу доказать, что я не псих. Ты не думаешь, что эта игра стоит свеч?

15 Пятница, 4 мая, 16:17

Маленькое кладбище степенным строем окружали великолепные кипарисы. В этот час, когда повсюду царили тишина и спокойствие, было слышно, как наверху весело заливаются птицы.

Стефан вошел в шестую аллею. Сердце у него бешено колотилось, как всякий раз, когда он рисковал тайком прийти в это место, в каких-нибудь нескольких сотнях метров от имения. Перед ним на серо-белом мраморном надгробии было выбито имя: «Гаэль Монтьё – 1997–2007». И, как и всякий раз, его словно скальпелем полоснуло.

Нет ничего хуже, чем смотреть на могилу ребенка. Холмик был выложен плиткой, уставлен вазами с цветами и прочими проявлениями любви. Вот уже два месяца после трагедии мать приходила сюда каждый день около половины шестого вечера и долго стояла, проклиная свою жизнь. Иногда Стефану приходилось делать крюк, обходя могилу, чтобы не пересечься с матерью и не встретиться с ней.

Что же до ее мужа, то он его никогда не видел.

Большой букет белых роз, что он принес накануне, кудато исчез, – может быть, его выбросила мать. В этот раз он поставил в вазу сиреневые хризантемы. Вдруг у него зазвонил мобильник. Стефан в панике схватил его и отключил звук. Эверар, продюсер «Кротовой лощины», интересовался, как продвигается муляж Мартинаес. Не отвечая, он выключил телефон и несколько минут собирался с мыслями.

Подняв воротник куртки, он пошел к выходу с кладбища. Потом посмотрел куда-то перед собой, достал из кармана диктофон, долго стоял в нерешительности, положил его обратно и быстро зашагал прочь. Сильвия думала, что он пошел прогуляться по лугу возле опушки леса. Но для него настал час лицом к лицу встретиться с худшим. И раз и навсегда выбросить из головы все свои страхи.

Он прошел по проспекту Освобождения и поднялся по шоссе № 16 два километра до того проклятого поворота. До того места, где его капот погасил улыбку десятилетнего ребенка. До того поворота, который он после трагедии ни разу не проехал на машине.

Он был уже почти на месте. Дорога шла здесь под уклон и поворачивала. Сзади утопал в густой зелени Ламорлэ, впереди виднелся изгиб темного асфальта, похожий на серп. А дальше торчал желто-белый километровый столб с отметкой «№ 16». Это здесь.

Весь дрожа, Стефан тщательно сверился с листком бумаги. Рапорт жандармерии указывал, что удар случился ровно в восемнадцать метрах от столба.

Стефан вошел в лес, чтобы точно проследить траекторию движения своего автомобиля, которую подсказывала попорченная и примятая зелень на этом месте. Даже через два месяца на земле еще виднелись сломанные ветки и вывороченные с корнем кусты. Природа забывает отказывалась.

Наконец он заметил узкую тропинку, о которой говорилось в рапорте. По словам представителей власти, девочка вместе с родителями возвращалась с длинной пешей прогулки из Шамонтеля в Ламорлэ. Этой тропой они ходили по нескольку раз в год.

Потом он увидел дерево, и сердце его горестно сжалось. Бук с содранной корой еще хранил следы автомобильной краски. Стефан не стал обходить это место и упрямо пошел вперед.

Пальцы его прикоснулись к холодному стволу. И все вдруг снова ожило в памяти. Он скорчился, словно его ударили под дых.

Резкий удар по тормозам не прошел без последствий. «Мерседес» вынесло на обочину, он забуксовал, покатился вниз по склону, пересек проезжую часть и убил девочку на глазах у родителей. Потом боком ударился о дерево, запрыгал вниз по ухабам, а потом в нем сработала подушка безопасности. Перед тем как потерять сознание, Стефан успел посмотреть на свои окровавленные руки. В тот день он был не на «форде», как обычно, иначе и он бы в живых не остался. Просто невероятное везение, что он поехал на другой машине, говорили тогда.

Невероятное везение...

Он закрыл глаза, зажал ладонями уши и закричал. Эти картины неотступно преследовали его. Может, он действительно сходит с ума? А может, он всегда был психом?

Чуть не плача, он бросился бежать.

С трудом карабкаясь по крутой тропинке по направлению к шоссе, он добрался до километрового столбика с пометкой «№ 16». Здесь, как утверждали жандармы, он стал тормозить. Он спустился к асфальту как раз там, где виднелись следы торможения, все еще довольно четкие. Машина шла юзом метра три до того места, где ее выбросило на обочину.

Стефан вновь переживал аварию секунда за секундой. И те несколько секунд, что ей предшествовали. По утверждению жандармов и по характерному тормозному следу на асфальте, он нажал на тормоз, пытаясь избежать столкновения с оленем или с кабаном. В этих местах дикое зверье часто оказывалось на шоссе, о чем и оповещал дорожный знак.

Но Стефан не видел ни оленя, ни кабана. Считалось, что он потерял память от травматического шока и черепной травмы. Но он был уверен как раз в обратном. Он *ничего* не видел.

Он еще раз внимательно оглядел грунт, потом всю территорию возле места аварии. Ничего. Ни одной детали, которая доказывала бы, что он не сумасшедший и не одержимый. Но ударил же он по тормозам без всякой причины!

Зайдя в лес и обогнув дерево, Стефан вышел на узкую тропинку. Там он уселся на землю и достал цифровой диктофон. Пройдясь по файлам, он нашел нужный: запись сеанса гипноза, который провел с ним приятель около полутора месяцев назад, 18 марта 2007 года, сразу после его выписки из больницы. Сейчас он прослушивал эту запись впервые.

«... Машина уходит на обочину! Я кричу, я...

– Стоп! Мой голос, ты слышишь только мой голос. Вернемся чуть-чуть назад. Ты вот-вот затормозишь. Ладно?

– Ладно.

– Итак, ты собираешься прокатиться. Выезжаешь из Ламорлэ и едешь по шоссе № 16. Дальше?

– Я включил радио. Там передавали „Nothing Else Matters“²⁹. Я эту песню обожаю.

– Ты спокоен, тебя ничто не тревожит в этот день?

– Совершенно спокоен. У меня была встреча с начальником бригады декораторов и с продюсером по поводу крупного заказа. Небо синее, погода теплая. Я ехал с открытыми окнами.

– Отлично. Впереди, метрах в десяти, ты видишь поворот. Какая у тебя скорость?

– Около шестидесяти пяти в час. Мне навстречу попала машина, которая шла гораздо быстрее.

– Какой марки машина?

– Не разглядел.

– Дальше?

– Я терял скорость, потому что машина шла на подъем и впереди я видел поворот.

– Отлично. И что ты делаешь в этот момент?

– Я... я вижу справа бело-желтый километровый столбик. Он... На нем обозначение „№ 16“! № 16! И я даю по тормозам! Выжимаю педаль до отказа, что есть силы!

– Почему? Почему ты затормозил? Что ты увидел перед столбиком № 16 или за ним? Вспоминай хорошенько, Стефан, вспоминай хорошенько.

– Ничего. Ничего там больше не было. Только километровый столбик.

– Хорошо, только столбик. Почему ты затормозил?

– Не знаю. Я не знаю!

– Давай снова вернемся немного назад. Ты спокойно едешь по шоссе... Слушаешь музыку... Впереди ты замечаешь столбик... И тут изо всех сил жмешь на тормоз. Почему?

– Потому что я...

– Что? Что – потому что?

– Потому что я уже однажды видел, как торможу! И торможу именно в этом месте! И сейчас тоже затормозил!

– Когда ты видел, что тормозишь?

– Я... Понятия не имею...

– Во сне?

– Нет. Я своих снов никогда не помню.

– Никогда-никогда?

– Никогда.

– Значит, ты тормозил наяву? А было впечатление дежавю?

– Я... не знаю. Я не знаю!

– Просыпайся, Стефан!»

Стефан выключил диктофон и выронил его на землю рядом с ксерокопией рапорта жандармерии. Его бейсболка намочла от пота. Он молча сидел, ничего не слыша и не видя вокруг. В мозгу пульсировали только визг тормозов и желто-белые полосы километрового столбика.

Вдруг его захлестнула волна адреналина, он резко вскочил с места, посмотрел на часы и бросился бежать.

Он еще успевал.

---

²⁹ «Остальное не важно» (англ.) – рок-баллада американской треш-метал-группы *Metallica*, выпущенная в 1991 г. в альбоме «Metallica».

* * *

Она уже была там, затаенная в длинное черное платье, доходившее до щиколоток. Ее заметно старили согнутые плечи и беспорядочно спутанные на шее волосы. В сорок лет мать Гаэль Монтьё оказалась лишена смысла жизни.

В вазе чуть подрагивали прекрасные сиреневые хризантемы, символ скорби.

Женщина обернулась к Стефану и снова перевела глаза на могильный холмик:

– Цветы... Я так и знала, что это вы... Всегда знала...

Она пристально, без слез смотрела на надгробную плиту. Прошло несколько секунд, и Стефан решил задать вопрос:

– Мадам Монтьё... Мне нужно знать... одну важную для меня вещь... Очень важную... В отчете жандармерии... уточняется, что вы ходили по этой тропе по несколько раз в год, с мужем и...

– Что вам нужно?

Голос ее звучал сухо и резко. Стефан подобрал упавшую хризантему и поставил ее на место. Потом снова заговорил, не осмеливаясь взглянуть на женщину:

– Скажите, желто-белый километровой столбик вам ни о чем не напоминает?

Эва Монтьё наклонилась над могилой и погладила надгробную плиту.

– Мой приятель-детектив провел расследование насчет вас, – сказала она.

– Насчет меня? Но...

– О том, что не вошло в полицейские отчеты, о том, что не интересовало жандармов, но интересует меня. О вашем прошлом.

Стефан судорожно вцепился пальцами в свои заляпанные латексом джинсы:

– О моем прошлом? Но... но зачем?

– Мне хотелось все узнать об убийце моей дочери. Где вы жили раньше, как звали ваших родителей, что у вас за профессия, какие пристрастия. И почему ваш паршивый драндулет оказался здесь в тот момент.

– Вы... Но вы же ничего обо мне не знаете...

– Что, несладко быть приемным ребенком?

Она подняла на него воспаленные глаза:

– И теперь тоже будете говорить, что я о вас ничего не знаю?

Стефан почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Эта женщина нанесла ему очень болезненный удар.

– Но все же есть одна вещь, которая хоть как-то утешает меня в горе, – произнесла она жестко и твердо. – Это тот факт, что ваши дети не будут с вами в старости. Вы не можете иметь детей. Значит, в какой-то мере есть на свете справедливость.

Стефан закусил щеки, глаза заволокло слезами.

– Моя медицинская карта, мое бесплодие... Откуда вы...

Она принялась один за другим обрывать лепестки хризантемы.

– С помощью денег можно горы сдвинуть с места, и вы это прекрасно знаете. А если я назову имя маленькой Людивины Кокель?

– Нет, я...

– Июль 1992-го, вам тогда было пятнадцать. Помните? Железнодорожный путь в Койе? Всего в нескольких километрах от Ламорлэ? Конечно помните. Как такое забудешь!

– Прекратите!

– А в 1995-м?

– Перестаньте, говорю вам!

Она стиснула цветок в руке. В нее словно демон вселился.

– Июль 1995-го. Вы только-только получили права – и сразу авария. Вы не справились с управлением, вас вынесло в поле, вы сломали изгородь и убили двух баранов. Тогда до человеческих жертв дело не дошло, но это в какой-то мере объясняет, почему вы так резко затормозили в тот день. По вашим объяснениям выходило, что вам «показалось, что там кто-то был». Поэтому вам назначили несколько сеансов у психиатра и соответствующие лекарства. А в 98-м вы ни с того ни с сего рванули стоп-кран в поезде и без видимых причин спрыгнули на полном ходу. В больнице вас собирали по кускам, но вы каким-то чудесным образом выжили. Однако этого шанса, к несчастью, не оказалось у многих пассажиров... И они погибли из-за вас! Дернув стоп-кран, вы спровоцировали сбой в работе тормозов, и поезд сошел с рельсов! Правосудие быстро призвало вас к порядку, но это снова оказались беседы с психиатром и лекарства. Какой тяжелый случай в психиатрии... А что об этом думает ваша жена?

Стефан вскочил и с трудом подавил желание схватить ее за горло:

– Довольно! Довольно, слышите?

– Кто вы, Стефан Кисмет? Кто же вы такой, если по вашей вине произошло столько трагедий?

Он покачал головой:

– Не знаю. Клянусь, я ничего не знаю.

Она снова взглянула на надгробие. У нее даже на ненависть уже не хватало сил – настолько она была опустошена.

– Ваша жизнь, как вежами, уставлена этими непостижимыми трагедиями. И одной из этих вех теперь стала моя дочь. Но почему она? Почему ее жизнь разбилась о вашу?

Стефан вытер глаза руками:

– Я сам очень хотел бы знать.

– Не могу понять... Моя девочка так сильно верила в Бога, молилась каждый день... ей бы жить и жить. Вы-то сами в Бога верите?

– Как могу я верить в Бога?

Наступило тягостное молчание, потом он выдавил:

– Я и в церкви-то ни разу не был.

– Почему?

– Потому что... потому что не могу.

– И дьявол тоже не может войти в церковь.

На кладбище все стихло – ни звука, ни шороха. Казалось, природа затаила дыхание. Эва Монтьё через силу улыбнулась, и по щеке у нее скатилась слеза.

– Когда... Когда мы ходили в поход с Люком и... Гаэль, мы всегда старались посмотреть на маленькую речку: считается, что это принесет удачу. Всем троим, мы всегда ходили туда втроем.

Она подавила рыдание и снова заговорила:

– Я сотни и сотни раз повторяла про себя ход событий.

Стефану захотелось взять ее за руку и успокоить, но он не сдвинулся с места. В ее глазах он навсегда останется монстром, который убил ее девочку.

– Каких событий?

– Той аварии.

– Объясните, пожалуйста.

– Мы шли по лесу в нескольких метрах от шоссе. Километровый столбик, где мы всегда переходили на другую сторону, чтобы подойти к речке, был метрах в двадцати от нас. Мы уже собрались перейти шоссе, но тут Гаэль попросила остановиться: у нее развязался шнурок. И мы все трое стояли возле того самого дерева, в которое вы врезались. Узел на шнурке никак не завязывался, и она провозилась с ним около минуты. И в тот самый момент, когда она наконец справилась со шнурком, мы услышали жуткий визг ваших тормозов. Если бы Гаэль

не провозилась с узлом, мы оказались бы в тот момент как раз на шоссе, в нескольких метрах за километровым столбиком, где вы начали тормозить.

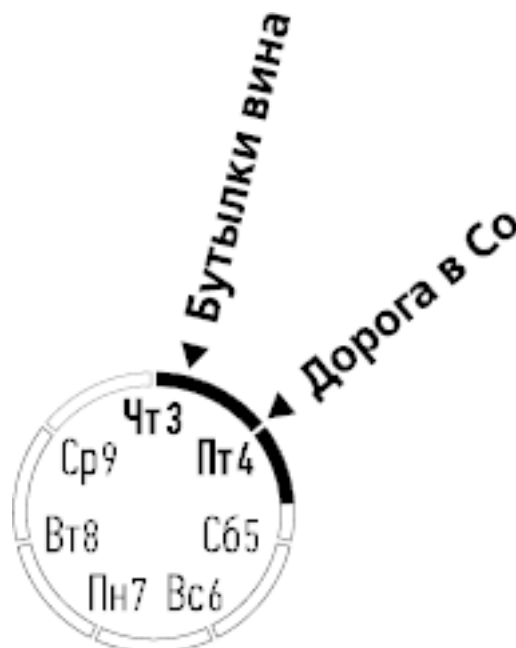
Стефан был уничтожен, его словно начало затягивать в какую-то черную дыру.

– Печальный удар судьбы, правда? – сказала она, промокая щеки платком. – Тогда вам удалось вывести мою девочку из-под удара посередине шоссе, но вы все равно убили ее в другом месте... Будто бы... в любом случае, что бы там ни было, смерть Гаэль была запрограммирована. Я думаю, что знаю, кто вы такой и зачем пребываете на этой земле. Вы приходите сюда забирать людские жизни.

Она опустила глаза и снова подняла их на Стефана:

– Вы – Смерть.

16
Пятница, 4 мая, 17:53

Вик Маршалль уже собрался надеть куртку и быстро уйти из отделения, когда вошел намотавшийся за день Ван. Шевелюра его, всегда являвшая собой образец аккуратности – такой великолепный эбеновый шар, – на этот раз топорщилась сердитыми вихрами.

– Ну? – спросил он. – Что новенького?

Вик поднял на него опухшие глаза и выключил свой компьютер:

– Да ничего особенного. Прочесали парижскую территорию, на обратном пути на всякий случай я не стал принимать три или четыре телефонных звонка. Значит так... гангрена пальцев ног... старику восьмидесяти восьми лет ампутировали пальцы, чтобы инфекция не перекинулась на всю ногу... молодой парень чуть не умер, случайно рубанув себе по ступне топором... и еще несколько случаев, которые, на мой взгляд, к нашему расследованию отношения не имеют. Хотя, конечно, все их надо проверить.

– А как насчет морфина?

Вик с трудом подавил зевок. Ему сейчас хотелось одного – поскорее прийти домой и лечь.

– Тут все гораздо сложнее. Морфин воруют очень часто. В аптеках, в больницах запасы таинственным образом тают. Тут потребуется время. И ресурсы.

– Ну да, ресурсы. Как всегда.

Ван проглотил «дыхание дракона»:

– Хочешь конфетку?

– Мне очень понравилось, но, спасибо, не хочу.

– Что касается порно и старых связей, то есть риск завязнуть в этом надолго. Уже многих допросили. Большинство тех, с кем мы виделись, считают, что она все еще живет в Шестнадцатом округе и в ту ночь у них все было на законном основании. Что примечательно у порнодеятелей, так это ночное алиби, не то что у нас, нормальных людей.

– Ты считаешь нас нормальными?

– Ну, наполовину.

- Меня это успокаивает. Наполовину...
- Что касается технической стороны, то процесс пошел. У Жоффруа есть кое-какие новости из лаборатории об этой штуке... ну как ее... ну которая вставляется в рот...
- Расширитель.
- Вот-вот. Этой допотопной штукой у нас пользовались еще в войну 1914 года, чтобы раненые не двигали челюстями, когда им ремонтируют глотку. В то время вся хирургия сводилась к пиле и молотку.
- Этой штуке уже около ста лет. Почему он не взял более современное приспособление? Мы что, имеем дело с коллекционером? С типом, повернутым на войне?
- Возможно. Кукол тоже не вчера сделали. Надо пройтись по барахолкам, по блошиным рынкам и тому подобным местам. Короче, круг поисков расширяется.
- Еще что-нибудь новенькое?
- Ван принялся перекачивать голову с одного плеча на другое.
- Хочешь посмеяться?
- Не особенно. Я уже ухожу.
- Ну всего пару минут...
- Вик посмотрел на часы:
- Мне надо идти. Я не спал всю ночь, меня жена ждет.
- Жен надо приучать к долгим ожиданиям. Пошли.
- Ван потащил его на первый этаж, где располагались вытрезители.
- Ого! – Вик поморщился. – Это еще что за чучело?
- Его взяли возле павильонов студии «Календрум». Ты когда-нибудь видел такой носище?
- Он что, настоящий?
- Стопудово.
- Твою дивизию...
- Они подошли ближе.
- Он почти все время шатался возле дома Леруа, особенно в дни съемок.
- Киношный фанат, что ли?
- А у киношных фанатов разве бывают такие рожи?
- Так это он? Тот самый бомж, что собирает винные бутылки, как раз напротив дома Леруа?
- Он самый. Он регулярно выуживает из мусорных бачков объедки и недопитые бутылки. Сейчас для него просто лафа, потому что уже недели две они снимают бюджетный ужастик «Кровавая лощина» с Карлой Мартинес.
- Вик вытаращил глаза:
- Ты что, шутишь? Я обожаю эту актрису! Ты ее видел?
- Ван разглядывал ноготь у себя на мизинце.
- Живьем, собственной персоной.
- Ну и как?
- Не знаю. Она была вся в крови. Я потом выяснил, они используют на съемках свиную кровь. Короче, нашего чудика зовут Реймон. Или Рере. И он утверждает, что кое-что видел в ночь убийства.
- В углу безучастно сидел человек. Ноги раскинуты, глаза подернуты пленкой, как у саламандры. На вид ему было лет пятьдесят. Или лет на десять поменьше. А может, и на двадцать.
- Ван присел перед решеткой на корточки:
- Эй, Рере! Ты все еще хочешь нам рассказать, что ты видел позавчера вечером?
- Бомж замахал рукой у себя перед носом, словно мух ловил:
- Ну и осточертели же вы мне...

– По-моему, он пьян в стельку, – шепнул Вик. – Мы сэкономим время, если ты мне сам все объяснишь.

Рере ткнул в него пальцем:

– Этот тоже пришел поглядеть на маленькую фею?

– Да, Рере, на маленькую фею. Ты помнишь маленькую фею?

Бомж поскреб себе нос.

– О, она была красивая! Такая маленькая, вот такая... – Он приподнял руку над головой. – И глазки маленькие, черненькие.

Удивленно подняв брови, Вик почесал лоб.

– А что она делала, маленькая фея? – не унимался Ван.

– Она... она вошла... к себе в дом... А с ней все ее друзья... А тебе говорили, что ты похож на Брюса Ли?

– Говорили. Ты говорил час тому назад. А как она вошла?

Рере изобразил размашистые движения крыльев:

– Она не вошла, она влетела. Вот так! И у нее вместо крылышек были такие беленькие сеточки.

– Ах, она влетела. То есть она была женщина?

– Само собой, все маленькие феи – бабы. А ты не только косоглазый, ты еще и дурак.

– А что за друзья с ней были?

– Гномы. Голые, как червяки, и все лысые...

Сыщики обменялись понимающими взглядами. Оба подумали о куклах. Вик присел рядом с Ваном:

– А еще? Ты видел что-нибудь еще? Ну, ее машину, например?

Рере улыбнулся в спутанную седеющую бороду и указал на воображаемые звезды на небе:

– Космический корабль из серого металла.

– А который был час, не припомнишь?

Ответа не последовало. Полная отключка.

Вик и Ван поднялись.

– Придется ждать, пока он не протрезвеет, – разозлился Вик.

– Он трезвый.

– Вот черт!

– Он болбочет все время одно и то же, без всяких новых деталей. Фея с белыми крылышками, ее друзья, серый космический корабль... Что-то совершенно бессвязное.

– Стало быть, легковушка или маленький серый грузовичок?

– Ты полагаешь? Да ладно... Ты что, не заметил, что доверять его болтовне нельзя?

– А история с маленькой феей? Он действительно мог видеть женщину.

– Ага. Или гиппопотама, или жирафа. У парня тяжелый бред.

– Говоришь, он живет неподалеку?

– По словам съемочной группы, он целыми днями ошивается здесь возле мусорных баков. А живет где-то напротив Леруа. Там какой-то склад, и владелец склада каждое утро собирает бутылки из-под красного вина, выставленные возле ее дверей.

Вик задумчиво прижал к губам палец:

– Тогда получается, что убийца не имел привычки являться к Леруа в качестве клиента. Иначе он обратил бы внимание на клошара. И ему не было нужды взламывать дверь. Значит, мы имеем дело не с таким психом, как в «Красном Драконе»³⁰, который неделями выслеживал жертву.

---

³⁰ «Красный Дракон» (англ. Red Dragon) – триллер 2002 г. режиссера Бретта Ратнера, снятый по одноименному роману Томаса Харриса 1981 г. По хронологии событий второй фильм в серии о Ганнибале Лектере: «Ганнибал: Восхождение» (2007),

– «Красный Дракон»? Ага, я знаю этот фильм, – вставил Ван.

Вик снова задумался, легонько поглаживая подбородок:

– Но тем не менее он педант. Заранее подумал о куклах, об иголках, о морфине и уксусе...

Он доверху застегнул куртку.

– Может, этот тип всего только раз и повстречал Леруа и тут же решил, что вот она, жертва... Быстренько все подготовил, на это ушло не больше недели. Садизм, подготовленное и заснятое на видео преступление – все это, возможно, предполагалось как послание. Черт, мерзость какая! Знаешь, что это может означать?

Ван потер себе щеки.

– погоди, парень. Я работаю уже пятнадцать лет, но такой случай у меня впервые.

– Один раз за пятнадцать лет может случиться, я думаю.

– Да брось ты! Посмотри «Красного Дракона» и не пудри мне мозги своими серийными убийцами. Говорю тебе: одно преступление за пятнадцать лет! Ну что за мания у молодняка? Только и твердят что про серийные убийства.

– Да это не я сказал, я вообще ни о какой серии не говорил. Говорил ты.

Ван показал ему средний палец и заявил:

– Слушай, мы тут с Жоффруа и еще двумя-тремя ребятами хотим посидеть, выпить по стаканчику. Мы всегда собираемся по пятницам вечером. Ты с нами?

– К сожалению, нет. Меня ждет Селина.

– У всех дома женщины. И что с того? Хочешь добрый совет? Пошли с нами. Никто еще не видел, горазд ли ты выпить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.